

дамский детектив

Галина
[РОМАНОВА]

ЧЕРНАЯ
КОРОНА

Галина Владимировна Романова

Черная корона

Серия «Детективная мелодрама»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167406
Черная корона: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-24688-5*

Аннотация

Она прекрасна и благородна, как княгиня. Молодой богатый муж носит ее на руках. Но это на людях. Дома крутой бизнесмен Игорь Черешнев бьет и унижает Владу. Страх вернуться к прежней нищете вынуждает красавицу молчать. Но терпению приходит конец. Просьба о разводе приводит к тому, что девушку намеренно сбивает машина. Влада убеждена: это машина мужа. Только ей никто не верит...

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни!

Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	51
Глава 4	71
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Галина Романова

Черная корона

Глава 1

Здание, где недавно открылся реабилитационный центр для женщин, было старым и не очень хорошо отреставрированным. Сквозь неровно выкрашенные стены виднелись проплешины шероховатой штукатурки. Рамы мазали белилами так тщательно, что не пощадили и стекол. Линолеум положили прямо на сгнившие доски, и он неприятно дыбился под ногами, собираясь волнами чуть ближе к плинтусам. Да и с названием центра явно перемудрили.

Ну какая, к черту, счастливая улыбка может быть у истерзанных жизнью и мужьями женщин? Вымученная, судорожная, заученная, если того требовал крутой на расправу супруг, но уж точно не счастливая.

Влада долго не решалась войти в это здание. Ходила вокруг да около. Неделю, а то и больше. Все приглядывалась, прикидывала, сопоставляла. Вела счет сотрудникам и посетителям.

Посетителей было не так уж много. Их можно было по пальцам пересчитать, и походили они друг на друга, словно сестры. Одинаково угрюмые, с толстым слоем грима, из-под

которого отчетливо проступали замазанные синяки, с привычкой смотреть не в глаза собеседнику, а себе под ноги, судорожно тискать сумочку, если таковая имелась, или пакет с вещичками. И еще их всех объединяла одна особенность: ощущение загнанности. Чувство постоянного присутствия грубой силы за спиной, от которой хотелось непременно вжать голову в плечи и бежать, бежать, бежать...

Беда – бежать было некуда! Некуда, не к кому, не за чем. Не в реабилитационном же центре селиться. Правда, некоторые женщины обрели здесь приют. Влада насчитала трех постоянных обитательниц. Одна была одинокой. Две другие – с детьми.

Несчастные малыши были точной копией своих несчастных матерей. На угрюмых мордашках застыло выражение вечного страха и обреченности. Влада ни разу не видела, чтобы эти дети улыбались. Ругались между собой и с родительницами часто, не улыбались никогда.

– Здравствуйте, – окликнул ее кто-то со спины.

И Влада моментально сжалась вся, стиснув кулаки в карманах легкого плаща.

– Здравствуйте, милая женщина. Я смотрю, вы давно здесь и все никак не решитесь войти. Что так? – Женщина средних лет в джинсовом костюме, кроссовках и с сумкой через плечо приветливо смотрела на Владу. – Меня Анна Ивановна зовут, а вас?

– Влада. – Она скованно улыбнулась в ответ, отступила в

сторону, пропуская даму к ступенькам. – Влада Черешнева.

– Очень приятно. – Анна Ивановна энергично сунула ей в застывшую руку холеную ладошку. – Вы к нам или как?

– Я?.. Я не знаю. – Влада пожала плечами и тут же сморщилась от боли в лопатках.

– Не знаете? Не решились или что?

– Я не знаю, есть ли смысл во всем этом. – Она обвела взглядом старое ветхое здание, побеленное наспех.

– Смысл? Хм-м... – Голубые глаза, опущенные густо накрашенными ресницами, глянули на нее со значением. – Смысл всегда есть, если не утрачена надежда. Вы ведь сюда не из любопытства каждый день ходите, так?

– А как вы?.. – Она попятилась от въедливой особы. – А как вы угадали?

– Я не угадала. – Анна Ивановна продолжала улыбаться. – Я наблюдала за вами из окна своего кабинета. Я директор этого центра.

– Очень приятно, – не к месту брякнула Влада и покраснела. – Простите... Мне, наверное, пора идти.

– Прощать вас не за что, милая Влада Черешнева. А идти вам действительно пора, только не от нас, а к нам. Идемте, поговорим. Мне кажется, вам есть что мне рассказать. Идемте, не нужно бояться. Здесь вам не причинят вреда.

Ладно, решила наконец Влада. Может, пользы не будет, но и вреда, скорее всего, тоже. А это уже кое-что. Во всяком случае, лучше, чем сидеть день за днем в четырех стенах,

ждать возвращения мужа и угадывать по жестам и мимолетным взглядам его настроение.

На первом этаже располагались кабинеты персонала, актовый зал, игровая комната для детей и столовая. Все это Анна Ивановна демонстрировала с великой гордостью и, казалось, не замечала ни затхлого запаха плесени, ни убогой мебели в столовой, ни разношерстных стульев в актовом зале.

– Пусть вас это не пугает, – безошибочно угадала директриса настроение Влады. – Это только начало! Понимаете, создавалось все на голом энтузиазме наших сотрудников. Но не все то золото, что блестит. Главное – атмосфера дружбы, взаимопонимания и взаимовыручки.

Не успела Анна Ивановна договорить, как со второго этажа по лестнице кубарем скатилась вихрастая чернявая девочка. Малышка едва не упала, растеряв большие, не по росту, резиновые сапожки. Тут же натянула их снова и побежала прямо на женщин. Понять, от кого и от чего она бежит, они смогли уже через мгновение.

– Ах ты, сука малолетняя! – заорала какая-то женщина, едва поспевая за ней вдогонку. – Воронья поганая! Я вот тебе сейчас покажу, как воровать, гнида цыганская!!!

Девчонка прошмыгнула между Владой и Анной Ивановной и скрылась за входной дверью. Женщина остановилась рядом с ними и, тяжело дыша, ткнула дрожащей рукой вслед убежавшей девочке.

– Анна Ивановна, да что же это делается, а?!

– Что случилось, Вера? – поинтересовалась директриса, глянув на сотрудницу так, что даже у Влады мурашки поползли по спине.

– Кормишь, кормишь эту голытьбу, а они благодарят! – со слезой в голосе пробормотала Вера, отступая к стене. – Украла с кухни курицу и отволокла на рынок! Это разве дело?! Начала матери говорить, а та только зубы золотые скалит. Зря вы, Анна Ивановна, пригрили этих змеюк, ох зря! Добра от них не будет. Да и не обижал их никто. Мне соседка рассказывала, что у этой Ирки – ее матери – отродясь никакого мужа не было, бить ее некому. Рожает от кого ни попадя, а мы их корми! Они же тут все сволокут! И Сима мне жаловалась, что у ее ребят леденцы эта вихрастая таскает тайком. Воровня, она воровней и сдохнет, прости господи!

Разрекламированная Анной Ивановной атмосфера дружбы, взаимопонимания и взаимовыручки в тираде этой женщины отсутствовала напрочь. Влада не хотела, да ухмыльнулась. Директриса уловила и тут же нашлась:

– Да! Бывает и такое, Влада Черешнева! А где не случаются проколы? Спускать подобное не в наших правилах. Это цыганское семейство лишило на сегодня вкусного обеда с десятков проживающих. Разве это порядок?!

Не порядок, конечно. Но про десяток проживающих Анна Ивановна явно привирала. Сколько здесь было жильцов, Влада знала абсолютно точно.

– Готовь их на выселение, Вера. – Директриса оглянулась на Владу, спохватившись. – Это наша сестра-хозяйка, я вас не представила, извините.

Извиняться Анне Ивановне пришлось еще несколько раз. То дверь в ее кабинет не открывалась, что-то случилось с замком. Потом по столу, за которым она принялась потчевать Владу чаем, проскользнуло сытое семейство тараканов. Следом, прервав их беседу, в кабинет ворвалась та самая цыганка Ира, и началось такое...

Влада уже пожалела, что явилась сюда. Ругала себя за нерешительность, неспособность противостоять напористости Анны Ивановны. Почему не ушла сразу, спрашивается? Почему потащилась следом за директрисой и слушает теперь эти гадкие гневные реплики? Владе и в ее загубленной жизни подобного хватает под завяз. В тот момент, когда Ира принялась рвать на себе густые волосы и ветхую одежду, Черешнева, не выдержав, встала из-за стола и вышла в коридор.

Там было темно и прохладно. Левее располагалась столовая, где теперь гремели посудой. Направо был выход, туда она и пошла. Возле входной двери у окна спиной к ней стояла высокая худенькая женщина, видимо из новеньких, и курила в открытую форточку.

– Сбегаешь? – коротко глянула она на Владу через плечо и с пониманием кивнула. – Я тоже хотела поначалу сбежать, потом передумала. Ты не торопись.

Влада остановилась, растерявшись. Она всегда теперь те-

рялась, когда с ней заговаривали незнакомые люди. Стойкую неприязненную осторожность за долгих пять лет семейной жизни выпестовал в ней муж. Непременно нужно было что-то сказать в ответ, а она не знала – что именно. Влада даже улыбнуться располагающе не умела и в глаза смотреть при разговоре тоже, а нужные слова она уже года три как не могла подобрать. Так, во всяком случае, утверждал ее муж – Черешнев Игорь Андреевич. Он всегда называл ее косноязычной, глупой и вообще отстойной особью.

– Как тебя зовут?

Женщина пульнула окурок в форточку.

– Влада, – проговорила она едва слышно, старательно пряча подбородок в воротник плаща.

Там, на подбородке, красовалась свежая ссадина. Замазать ее не удалось, как ни старалась. Тональный крем почти закончился, и ей пришлось разрезать пластиковый флакончик и собирать остатки по стенкам. Денег Игорь Андреевич ей три дня как забывал оставлять на столике в холле. Было ли то наказанием, или просто супруг страдал забывчивостью, Влада уточнять не стала. Себе дороже...

– Влада? – удивилась собеседница, развернулась к ней, оглядела с ног до головы и ухмыльнулась не по-доброму. – А ты хорошенькая, Влада. И одета достаточно стильно. Что тебя привело сюда, Влада? Безысходность или... Или с жиру бесишься? Хотя... Что это у тебя там на подбородке?

«Дура!!! Проклятая дура!!! – ругала себя Влада, безмолв-

но таращась на женщину. – Что хотела здесь обрести? Что?! Приют, успокоение, понимание?! Да кто станет тебя понимать, если у каждой своя беда?»

– Я Марина, – вздохнула женщина. – Третий день здесь живу. Не сахар житье, конечно, но все же лучше, чем по соседям прятаться, когда любимый спирта обожрется. Ты на меня внимания не обращай, Влада. Злая я. Злая и нехорошая. Здесь все такие, включая директрису. Хоть она и улыбается, и в глаза тебе смотрит с добром, но... Дрянь баба.

– А она почему?

– А потому же, что и все. – Марина поправила сползающий с плеч большой, не по размеру, джемпер в крупную полоску, отряхнула длинную юбку. – Она и центр этот задумала от печали своей великой.

– Из-за мужа?! – ахнула Влада.

– Из-за него, из-за него, родимого. Бил, по слухам, смертным боем. Сломал однажды ей ключицу, переносицу, два пальца на левой руке. Вот тогда она и опомнилась. И сказала себе – хватит. И ушла. А мы, Влада?! Мы сколько терпеть будем? Пока нас не расчленият и не зароят спяну под яблоней в огороде?

Ответа на этот вопрос у Черешневой не было. Терпеть дальше сил не осталось, хотя бабушка – единственный оставшийся родной человек в ее жизни – и призывала ее к терпению.

Бьет – значит, любит, утешала она Владу. Гладила по голо-

ве и тут же приводила сотню примеров из собственной жизни и жизни своих соседок по общежитию. Перебесится, перемелется, а там, глядишь, все наладится.

У Варвары, к примеру, той, что жила в соседней тридцать четвертой комнате, муж одно время был просто дьявол во плоти. И бил, и за волосы таскал, и из дома ночью выгонял с грудным младенцем. А потом вдруг будто его подменили. Что ни день, то с цветами. И под ручку гулять выходят в парк по выходным, и машину подумывают купить.

Все наладится, утверждала бабушка, ненавязчиво выпроваживая Владу домой.

Налаживать – вот беда – было уже нечего. Все рухнуло, умерло, покрылось пеплом. Все ее чувства, сомнения, надежды.

– Твой тоже пьет? – Марина вдруг взяла Владу под руку и потащила по коридору в сторону столовой. – Идем обедать. Здесь кормят не густо, но вкусно. И не орет никто, и по зубам не стучит. Идем, Влада. Так твой пьет?

– Нет, – покачала Влада головой.

Игорь Андреевич не пил. Не так чтобы вовсе, но не в том смысле, какой подразумевала Марина.

Игорь Андреевич вообще был уважаемым человеком. Ба- лагуром, весельчаком, душой любой компании. Влиятельным, обаятельным и состоятельным. У него имелась еще куча достоинств, заставляющих женщин млеть от одного его присутствия. Он об этом знал и пользовался всеми, и поль-

зовал всех, как хотел.

Она очень часто задавалась вопросом: «А бьет ли Игорь Андреевич тех женщин, с которыми регулярно спит?» Вряд ли. Судя по тому, как часто они ему звонят, навязывая себя, вряд ли. Для этих целей он держит дома ее – Владу. Она служила ему отдушиной, да и вообще служила.

Если бы кто-то в их городе хоть на миг представил бы себе, каким чудовищем является Черешнев Игорь Андреевич, он ужаснулся бы.

Алчен, подл, продажен, жесток и...

Влада вздохнула. Полный перечень пороков ее мужа упоминается в божественных заповедях. Но этому никто и никогда не поверил бы.

– Веруня! – гаркнула Марина, перекрывая шум в столовой. – Принимай новенькую. Чем кормить станешь?

На первое была домашняя лапша. Второе – на выбор. Хочешь – макароны с рыбной котлетой. Хочешь – картофельное пюре с большим куском вареной рыбы. Был еще морковный салат, винегрет и компот из свежих яблок.

От такой еды Влада почти отвыкла. Игорь Андреевич не терпел плебейской кухни. Все, что предлагалось ему на завтрак, обед и ужин, должно было быть непременно изысканным, свежим, низкокалорийным и обязательно полезным.

Именно так Влада готовить не умела. Она прожила пятнадцать лет с бабушкой в общежитии. Варила щи, кисели и каши на старой электрической плитке в общей кухне. Пекла

блины в старой прокопченной сковородке. Жарила рыбу и картошку в ней же. Редко когда лепила пельмени. О том, что такое баранья лопатка под грибным соусом, она понятия не имела. Мусс из свежей клубники странно задрожал и едва не выпрыгнул из тарелки, когда она впервые потрогала его крохотной чайной ложечкой. Вид взбитых сливок над изысканным десертом вызывал у нее теперь благоговейный трепет. За то, что воздушная белая масса оставила след на ее верхней губе, Влада впервые получила по лицу.

– Надо уметь красиво жрать! – бесился Игорь Андреевич, нависнув над ней за столом. – Ты должна делать это красиво, поняла или нет?!!

Она поняла, но, как ни старалась, отвратительные сливки постоянно липли к губам. Она хватала салфетку, принималась вытирать рот и нарывалась на очередной приступ недовольства.

– Смотри, Татьяна! – орал Игорь Андреевич, обращаясь к их домашней прислуге. – Смотри, как жрет наша светская львица! Как тебя в свет выводить, скажи?! Ты же всю рожу перепачкаешь жратвой, убожище!..

Марина подвела Владу к расшатанному столику возле окна, почти силой заставила снять плащ и усадила на стул.

– Сиди, я все принесу. Ты что будешь на второе?

Влада остановилась на рыбных котлетах. Как есть рыбу без специального ножа одной вилкой, она теперь не представляла. Этому Игорь Андреевич однажды посвятил целых

четыре часа, заставив ее раскрошить и съесть почти килограмм запеченной форели. Форель она теперь ненавидела даже больше, чем Игоря Андреевича...

Марина суетливо метнулась к раздаточному окошку. Быстро заставила тарелками два подноса. Поочередно принесла их. Села напротив Влады и тут же принялась болтать с набитым ртом.

Ох, видел бы ее сейчас Игорь Андреевич! Разве можно раскрывать рот, не успев прожевать?! Да боже упаси! Это очень неприлично, некрасиво и просто неаппетитно. А если еще и крошка какая по неосторожности выскочит, быть беде.

За такую вот крошку Влада, помнится, долго сидела в темной кладовке под лестницей. А потом еще столько же вымаливала прощение. На коленях!!!

– Вкусно. – Марина с сытым удовлетворением оглядела свои пустые тарелки. – Тебе что, не нравится? К другой еде, наверное, привыкла? Судя по колечкам на твоих пальцах, так оно и есть. Ты, вообще, чего сюда приперлась, Влада? Гусь же свинье явно не товарищ. А ты пришла. Чудно... Ладно, проехали. Ты лучше расскажи, чем ты так мужу не угодила?

– В смысле? – Рот она открыла, разумеется, тщательно пережевав кусочек рыбной котлетки, проглотив его и запив компотом.

– Ну... В том самом смысле, что одета ты по последней моде. Пальцы в брюликах. В ушах тоже не самоварное золо-

то. Балует, стало быть, тебя супруг твой. Балует и денег не жалеет, а ты вдруг сюда на пустую похлебку притащилась. Странно как-то все это. Может, и койку еще попросишь?

— Какую койку? — Влада допила компот, сложив вилку и ложку, как положено по окончании обеда, хотя не съела практически ничего.

— Здесь тому, кто с детьми, отдельную комнату выделяют. А одиночкам, вроде нас с тобой, койку, как в общежитии.

Владу передернуло. Все, что угодно, но только не общежитие. Она сыта общественным проживанием по горло. Ей долго снились очереди в сортир и душевую. Раздолье насекомых, которых сколько ни трави, они все равно возвращаются. Треск обоев по ночам на старых разъезжающихся стенах. Чад на кухне и нескончаемый гвалт. Кто-то кому-то в суп соли со злости насыпал. Кто-то у кого-то украл горсть макарон или три картофелины.

Нет...

В общежитие больше она не вернется никогда. Она лучше будет терпеть измывательства Игоря Андреевича и ждать, ждать, ждать.

Чего ждать? Да чуда же, господи! Она все время ждала чуда. Правильнее — чудесного избавления от страшного человека, скрывающегося под обликом ее уважаемого супруга, — Черешнева Игоря Андреевича.

Он непременно умирал в ее запретном ожидании. Все равно как! Неожиданно от сердечного приступа. Разбивался

на машине, возвращаясь домой из фирмы. Самолет, на котором он совершал перелет с отдыха или на отдых, вдруг терпел крушение. Секретарша Жанна – ненавистная длинноногая стерва, вечно презрительно хмыкающая ей в спину, – с чего-то перепутав заменитель сахара, всыпала в кофе своему боссу яд. Или со старой груши в их саду за воротник Игорю Андреевичу падал энцефалитный клещ, и это снова влекло непереносимую смерть. Смерть, которая стала бы для нее избавлением, путевкой в рай, началом новой свободной и обеспеченной жизни.

Нет, зря она сюда пришла. Ее ожидание именно здесь, в этом центре, станет еще более мучительным и отвратительным. Оно будет ей ежедневно, ежечасно и ежеминутно напоминать о том, что может ожидать ее, не потерпи она еще немного.

Игорь Андреевич ясно дал понять, что никакого развода он не потерпит. Развода на ее условиях. Ни о каком дележе имущества она мечтать не может.

С котомкой за ворота – единственный вариант ее долгожданной свободы. В общежитие к бабушке, к сковородке с задубелыми черными краями и днищем, к унылой работе официантки в такой же вот столовой, как эта.

– Не получишь ни цента, дура, – снисходительно хмыкнул он пару лет назад, когда она неосторожно заговорила о разводе. – Ни цента!

Допустить подобное после пяти лет страданий Влада не

могла. Это было бы предательством по отношению к самой себе. Предательством по отношению к той ненависти, которую она свято хранила втайне ото всех и копила, копила, копила...

– Так что? Станешь койку просить или нет? – Марина пытливо уставилась на Владу, без конца поддёргивая сползающий джемпер. – А то в моей комнате одна свободна. Там вообще комната двухместная. Уютная, с телевизором. Душ, правда, в конце коридора. Но это ничего. Я и дома в сортир на огород в скворечник бегала. А тут вообще красота, тепло. Так что, Влада, станешь моей соседкой?

– Я подумаю, – пообещала Влада, поднялась со стула, подобрала с подоконника плащ и направилась к выходу.

Она больше не могла здесь находиться. Вдыхать чад общественной кухни, там так некстати убежало молоко. Слушать за спиной гвалт непослушных детей, шлепки по рукам, когда цыганистая девочка полезла за вторым по счету коржиком. Иру все же оставили с детьми еще на неделю, установив семидневный испытательный срок.

Надо было убираться отсюда подобра-поздорову, пока кто-нибудь из знакомых не увидел. Маловероятно, конечно, но чем черт не шутит. Однажды ее совершенно случайно заметил кто-то из сотрудников мужа на вещевом рынке. Разумеется, тут же доложил, и случилась самая страшная в ее жизни гроза.

Она его, оказывается, опозорила! Она недостойно опусти-

ла его до уровня попрошайек. Она не имела права, не должна была и, конечно же, будет наказана.

Вдруг и здесь кому-то сподобится ее обнаружить, что будет тогда? Надо бы заранее придумать легенду, способную немного смягчить гнев Игоря Андреевича. Если пронесет, то она не понадобится. А если не пронесет, то Влада вытянет ее из своего мозгового архива и преподнесет мужу в виде правды.

У нее было много таких легенд, историй, приключений, которые она копила вместе с ненавистью. Пускай не всегда, но они пригождались. И Игорь Андреевич порой веселился вместе с ней, слушая хорошо отрепетированный перед зеркалом текст, и, кажется, даже верил. Надо бы что-то придумать...

– Погоди, не уходи.

Марина догнала ее уже почти на выходе. Вцепилась в рукав плаща, не заботясь о том, что может его помять, а Игорь Андреевич не спускал неопрятности. И зашептала доверительно на ухо:

– Пойдем, я покажу тебе комнату, Влада. Пойдем, не упрямысь. Куда тебе спешить? Мужик наверняка на работе до ночи. Потом в ресторан с девками. Он разве тебя может хватиться посреди дня.

Мог! Еще как мог!

Мог заехать в перерывах между совещаниями. Мог заехать переодеться, потому что Жанна-стерва по неосторож-

ности пролила ему на брюки кофе. Пятно на брюках, правда, было совершенно не кофейного цвета и издавало специфический запах, но не говорить же мужу об этом. А мог Игорь Андреевич заехать и просто так, без всякой на то причины, и не дай бог было застать ее за праздностью. Должна была либо читать по-английски, пользуясь самоучителем. Либо вязать. Вышивание тоже приветствовалось. Либо помогать Татьяне по хозяйству. Или копаться в садовых клумбах. Торчать перед телевизором могла, по его словам, и резиновая баба. Прокру что с того?..

– Ну, идем, Влада. Я покажу тебе комнату!

Не обращая внимания на то, что идти Владе совершенно не хочется, Марина потащила ее все же к лестнице, ведущей на второй этаж. Быстро отсчитала четвертую дверь, выкрашенную бежевой краской. Нашарила в кармане длинной юбки ключ. Открыла. И провозгласила, толкнув дверь ногой в серой тапке:

– Прошу! Входи, Владочка. Будь как дома!

Странно, но вопреки ожиданиям комната Владе понравилась. Очень миленькие обои на стенах – пестрый абстрактный рисунок в лимонно-бежевых тонах. Красивый тюль на окне. Вместо ночных штор по стеклу распласталась простыня.

– Солнце тут жарит с утра до вечера, вот и закрыли, чтобы стены и мебель не выгорали.

Из мебели была полуторная кровать под меховым покры-

валом.

– Это мое из дома, – тут же пояснила Марина, любовно погладив искусственный голубоватый ворс.

Диван вдоль окна. Шкаф для одежды в углу у двери. Полированный стол и тумбочка с цветным телевизором. На полу большой ковер с белой бахромой по краям.

– Это тоже я из дома притащила, – похвасталась Марина, скинув тапки, прежде чем ступить на ковер. – А то алкаш все равно пропьет, вытащит из дома, пока меня нет. Нравится?

– Нормально, – кивнула Влада. – Жить можно.

– Вот! А я что говорю! Переезжай!

– Я подумаю, – кивнула Влада, отступая к двери. – Извини, Марина, мне уже пора.

Новая знакомая вызвалась проводить ее на улицу. Вытащила из шкафа осеннее драповое пальто. Накинула на плечи. Снова обулась в серые тапки и зашлепала рядом с Владой, треща без умолку о преимуществах проживания в подобных центрах.

– Можно хотя бы выспаться! – выдохнула она, останавливаясь возле скамейки, на которой Влада провела много дней, наблюдая за центром. – Дома-то за волосы с кровати стащат да под дулом ружейным раздеваться заставят. А тут красота. Переселяйся, Владочка. Мы с тобой заживем!..

Зажить здесь она всегда успеет, с грустью подумала Влада. Вот узнает Игорь Андреевич о ее художествах, выставит за дверь, тогда и заживет. И будет жить долго и счастливо

и умрет когда-нибудь на казенной койке, оставив в потолок подслеповатые старческие глаза. А что? Это ее вполне реальная участь, если учесть, что нет у Влады ни кола ни двора. Она даже на бабушкину комнату никаких прав не может иметь, поскольку та тоже их не имеет. Живет по временной регистрации, и все. А жить перестанет, так и комната перейдет к следующему жильцу.

Ни кола, ни двора, ни денег! Так вот она и живет, хотя в лице общественного мнения она – Черешнева Влада Эдуардовна – молодая богатая дама, проживающая в двухэтажном особняке с преуспевающим мужем-бизнесменом, домашней прислугой и всем отсюда вытекающим.

Так однажды на званом ужине у кого-то из мэрии Владе продекламировала речитативом малознакомая дама в мехах. Прицепилась к ней с самого начала вечера и не отпускала от себя ни на шаг. Все учила и учила, все наставляла и наставляла. А под конец так и вовсе возмутилась:

– Что это вы застыли с такой скорбью на лице, милочка?! Что вас не устраивает?! У вас есть все! – Она принялась перечислять, под финал своей обличительной речи обозначив Владу богатой, недовольной и неблагодарной. – А вы еще и скорбите! Так ступайте на стройку, в конюшни, в притон, наконец. Хлебните лиха, чтоб осознать наконец, как вам повезло с мужем...

Она оказалась засланной – эта пышнотелая гражданка в меховом манто. Засланной Игорем Андреевичем, которому

было недосуг воспитывать в жене чувство благодарности. Дел и без того хватало, столько пробелов случилось в ее воспитании, столько пробелов, работать приходилось не покладая рук.

Была она богата, сыта, одета и украшена драгоценностями. Последние выдавались ей едва ли не по описи из старинной шкатулки красного дерева, запираемой супругом на ключ. Все это должно было подразумевать дикую всепоглощающую благодарность с ее стороны, а она вдруг захотела любви и нежности. Ну не дура ли?..

– Все, пока. – Марина полезла к ней с прощальным поцелуем, отставив руку с прикуренной только что сигаретой далеко в сторону. – Жду тебя завтра. Не вздумай передумать.

Завтра! Где она, а где оно – завтра?! Влада подавила тяжелый вздох, через силу улыбнулась новой знакомой и побрела на автобусную остановку.

В автобусе сразу затесалась на заднюю площадку, предъявив проездной билет сердитой кондукторше. Уставилась в окно и стала считать остановки. Выходить ей следовало через четыре, за две до нужной. Пройти тихой улицей, пересекающейся с той, где располагался их особняк, незаметно постоять возле дома с бирюзовыми ставнями, и тогда уже можно было идти к себе.

Этот дом с бирюзовыми ставнями Влада заметила давно. Еще по прошлому лету, когда впервые вызвалась помогать Татьяне с покупкой продуктов. Та убивалась на домаш-

ней работе, все надеялась на прибавку к жалованью. Прибавки не случилось, а обязанности возросли после того, как Игорь Андреевич выстроил гостевой домик. Татьяна потихоньку начала роптать. Тогда Влада и вызвалась помочь с покупкой продуктов. Игорь Андреевич поначалу отмалчивался, отмахивался, но потом неожиданно дал добро, ежевечерне требуя с обеих женщин подробный финансовый отчет.

Отчитывались они виртуозно, потихоньку начав обманывать супруга и хозяина по мелочам. Татьяна прикарманивала часть денег в обмен на молчание. Она не выдавала Владу, когда той приходило в голову просто погулять, обходя супермаркет стороной. В один из таких прогулочных дней и встал на ее пути этот необыкновенный теремок, возле которого она подолгу простаивала.

В нем не было ничего необыкновенного и примечательного. Подобных на этой тихой улице набралось бы с десятков. Но этот ей нравился по непонятной какой-то причине. Заставлял останавливаться каждый раз и жадно пожирать все здесь глазами, будто так вот можно было впитать в себя чужую, наверняка счастливую и беззаботную жизнь.

Очень аккуратный невысокий забор окружал старый запущенный сад. Кряжистые яблони теснили к дому четыре смородиновых куста. Из-за крыши дома торчала макушка старой груши. Клумб никаких не было. Цветы росли сами по себе. Где-то вырывались из травы и устремлялись в небо остролистые ирисы. Возле смородины облюбовали себе место

заросли пионов. А чуть ближе к забору, в тени, Владе удалось рассмотреть садовые ландыши. И трава повсюду, трава. Такая мохнатая, такая сочная и высокая. Она, кажется, даже пахла как-то по-особенному, не травой, а вечным цветением. И еще, быть может, свободой.

Да, именно! Влада едва не задохнулась от волнения, поняв наконец, почему ее так тянет сюда.

Вольная воля чувствовалась здесь в каждом углу!

Ничем не стесненная, росла трава. Никто не загонял в клумбы цветник. Не стремился урезонить старые деревья, напирające на дом. И даже рыжий кот на подоконнике вел себя абсолютно свободно. В его хитром прищуре ощущалась вольготная сытость.

Он ведь со временем стал ее любимцем – этот здоровенный котяра. И Влада даже расстраивалась, когда он не возлежал на широком подоконнике.

Сегодня рыжий был на месте. Увидел ее, широко зевнул и тут же принялся умываться, елозя по крупной мордахе мохнатой лапой. Влада улыбнулась. Отошла чуть в сторону, там возле березы имелась скамеечка, на которую она обычно присаживалась минут на десять, не больше. Села, пристроив сумочку на коленках, и с тревогой принялась осматривать территорию за невысоким заборчиком.

Ее всегда пугало, что хозяева что-нибудь здесь изменят в ее отсутствие. Спилят яблони, к примеру. Или выкорчуют пионы, что совсем заглушили смородину. Но больше всего

ее страшило то, что траву пустят под газонокосилку.

За их двухметровым забором, например, не было ни одного клочка земли, где бы одна травинка переросла другую. Все высаживалось, косилось, подстригалось и обрывалось строго по правилам. И она этим правилам следовала тоже, чтобы не вызывать недовольства Игоря Андреевича. Ненавидела и следовала, следовала и ненавидела.

– Здесь все угнетается, Таня, – обронила она однажды по неосторожности, глядя в окно на свой сад. – Все, включая розовые кусты.

В старом саду за невысоким забором гнета не ощущалось. И запущенным он мог показаться лишь на первый взгляд. А потом...

А потом приходило понимание, что в этой хаотичной вольности есть свой не обременяющий никого и ничего порядок. Здесь просто никто и ничто друг другу не мешает. И все всех устраивает. Смородина безропотно соседствует с пионами. Ландыши наслаждаются благодатной тенью яблонь. Ирисы стремятся к солнцу, при случае скрываясь в траве от палящих лучей. И рыжего кота никто не гонит с подоконника, хотя он всякий раз, забираясь на свою любимую лежанку, наверняка цепляет петли на дорогой занавеске.

Владе казалось еще, что в доме этом непременно должны жить очень хорошие, добрые люди. Жить в полной гармонии друг с другом и в ладу с самими собой. Они уж точно не стали бы скандалить из-за уродливой чайной кляксы на чистой

скатерти. Не тащили бы за волосы в темную кладовку под лестницей только за то, что ее нож трижды за ужин упал со стола. И уж точно не обезопасили бы себя изуверским способом от дележа имущества при возможном разводе, как это сделал однажды с ней Игорь Андреевич.

Там живут хорошие люди, решила напоследок Влада, поднимаясь со скамейки. И они ни за что не подумают о ней гадко и плохо, если и обнаружат ее неослабевающий интерес к их обители. Обители вольнодумцев...

Глава 2

– Слышишь, что говорю тебе, или нет?! – визгливый голос Леночки перекрыл гул стиральной машины. – Эта чокнутая снова здесь ошивается.

– Почему сразу чокнутая, Ален?

Он с трудом оторвал взгляд от мелькающих на мониторе цифр. Выглянул в окно, увидел очень красивую и очень печальную женщину. В очередной раз пожалел ее, посочувствовал ее печали и снова уставился в компьютер. Ему было некогда разговаривать с Леночкой. Неприятно беречь душу, пытаюсь понять, что заставляет незнакомку подолгу просиживать напротив его окон на скамеечке. Неприятно, некогда, некогда...

Зато у Леночки времени было предостаточно. Времени, здоровья и злого задора, обильно сдобренного ревностью.

– Слушай, милый, а это она не к тебе сюда день за днем таскается, а? Ведь как на службу, каждый день. Как на службу. Придет, усядется, все осмолит, а потом Рыжему улыбається. Нет, если не к тебе, то точно чокнутая. Чего молчишь, ответь что-нибудь!

Она не отстанет ни за что. Такая у его Леночки натура. Хочешь не хочешь, а хотеть надо, любила она повторять со смешком. Свободен ты, нет, но разговору с ней уделено время. Борьба с этим было невозможно. Вот и сейчас. С тщатель-

но завуалированным раздражением он задвинул клавиатуру под крышку стола. Развернулся на вращающемся кресле в ее сторону и вежливо поинтересовался:

– Что ты хотела бы услышать от меня, Алена?

– О господи, начинается! – взорвалась она тут же, запрыгнув на диван с ногами. – Ненавижу, когда ты такой!

– Какой?

– Снисходительно-вежливый, мать твою! – Она нацелилась кончиками пальцев себе в грудь, которой было слишком много, на его взгляд. Слегка потюкала ими и прошипела с яростью: – Думаешь, я никому, кроме как тебе, не нужна, да?! Думаешь, ты один такой добродетельный нашелся? Или простить мне не можешь, что ушел от жены своей сирой?!

– Ну при чем тут Элла?

Он и правда удивился, как удивлялся всякий раз ее умению начинать за здравие, а заканчивать за упокой. Предметом теперешней беседы вроде бы изначально была незнакомка, что регулярно усаживалась на скамейку подле их дома.

С чего вдруг Алене приспичило перескакивать на тему подлю брошенной им жены? Главное, зачем? Все уже выяснили несколько лет назад. Он – для себя. Она – для себя и за него тоже. К чему снова ворошить старое? Снова хочет сделать ему больно или в очередной раз пытается вывести его из себя? Так с последним бесполезная затея, а первое...

Первое давно покрылось уродливыми шрамами, напоминающими коросту.

– У меня достоинств масса, милый! – продолжала живописно раздувать крохотные ноздри точеного носика Леночка. – Захочу, завтра переселюсь из этой халупы кое-куда покруче. Что скажешь?

Он давно уже перестал бояться ее угроз. Давно перестал бояться одиночества. Леночка благополучно вытравила из него его застарелый страх. Более того, она сделала то, чего не сумел сделать ни один психоаналитик.

С некоторых пор он стал вожделеть одиночества! Так-то вот, господа профессионалы. Вы бились, бились, а она за вас все это сделала своим неприятно высоким, визгливым головочком.

И еще ему хотелось бы – да, да, это правда – утром пройтись босиком по росе. Постоять и послушать, как с тупым стуком в саду осыпаются никому не нужные яблоки с боками, покрытыми, будто конопушками, черными точками. Как мягко шуршат по траве, откатываясь от того места, куда только что шлепнулись. И еще очень хотелось услышать ему, особенно в последние несколько недель, как лопаются почки на деревьях. Как пахнут горьковато и сладко. И понаблюдать, как из липкого кокона выползают крохотные нежные листья, как матереют потом, стареют, осыпаются к ногам. Все это было рядом, день за днем, год за годом, но почему-то проходило незамеченным...

– Что скажешь? – снова вторглась в его мысли Леночка, взметнув темные кудряшки.

– Переселяйся. – Он улыбнулся и неосторожно сноваглянул в окно.

– А-а-а!!! Я так и знала!!! – Она уловила его взгляд и, конечно же, расценила все по-своему. – Я так и знала, что эта тетка ходит к тебе! Ходит и ждет. Ходит и ждет.

– Ну откуда ты знаешь, чего она ждет? – снова совершенно искренне удивился он. – И вообще, что ты можешь о ней знать, Алена?!

– А ты?! Ты знаешь?!

– Я? Я нет, – сказал он и тут же покраснел, как последний идиот.

– Врешь! – пригвоздила его Леночка и тут же презрительно плюнула в его сторону. – Провалился бы ты к чертям собачьим и с домом своим убогим, и со всей своей лабудой под названием «высокие чувства». Жаль, идти мне пока некуда, а то бы...

– А как же тот дом, что покруче?

Он не хотел ее подначивать. И был бы рад, если бы Леночка скрылась сейчас в ванной, где все еще гроыхала забытая стиральная машинка. В ванной или еще где-нибудь, но лишь бы скрылась. Подначил только для того, чтобы увести ее в сторону от глупых подозрений. Но Леночка была той еще штучкой, провести ее было сложно.

– Зубы мне не заговаривай, умник, – фыркнула она, вытягиваясь в полный рост на диване. – Переселюсь, когда сочту нужным. А вот что касается этой дамы... Ты что, следил за

ней? Следил, так?!

Чтобы не покраснеть еще раз и не выдать себя с головой, он вскочил с кресла и ринулся прочь из комнаты. Он будет мести улицу, будет полоскать белье, развешивать его потом вкривь и вкось – по-другому не получалось – на бельевых веревках за домом. Будет делать что угодно, лишь бы не находиться сейчас подле этой подлой девки, которая дергала и дергала его за нервы, ворошила и ворошила потухшие угли в его душе. И чего не живетя человеку спокойно? Чего надо ей, сказал бы кто?! Дом ее не устраивает? Да, он согласен. Дом старый, обветшалый, но это же временно. И квартира в центре города, где второй год ведется затянувшийся ремонт, имеется шикарная. И мебель туда уже куплена и дремлет под толстым слоем целлофана на мебельных складах. Всего и нужно-то – потерпеть немного. Нет, ее будто демоны раздирают, придирается и придирается. Липнет и липнет с гадкими вопросами. Первый год житья из-за Эллы не давала.

– А ты все еще любишь ее, милый?..

– А ты вспоминаешь ее?

– А она лучше в сексе, чем я, или нет?

– Твое сердце успокоилось? Если да, то почему ты стоишь ночами и зовешь ее по имени?..

И так день за днем и по несколько раз в день. Разве так можно?!

Тема Эллы сменилась благополучным затишьем в пару

лет, теперь вот прицепилась к этой женщине. И чем она ей не угодила?

Ну приходит. Ну сидит и молча смотрит на их дом. Что с того? Тоска, может, душу ее гложет. От безысходности, отчаяния или одиночества ходит она сюда. Да мало ли причин! Он и сам ходил два года подряд к тому пруду, где с Эллой познакомился. Уже разведен был давно, с Ленкой жил, а на пруд ходил. И тоже на скамейку садился и смотрел часами на толстых уток, прикармливал их булками, шикал, когда галдели. Но ведь не уходил, сидел и смотрел. Может, до сего времени ходил бы туда, если бы не Ленка. Выследила, гадина, и такое устроила...

– Прячься от меня, не прячься, – дверь старенькой ванной распахнулась, как от ветра ураганного, и Елена ввалилась в крохотную комнату, – но ты точно за ней следил. Станешь отрицать, снова потащу по врачам, так и знай. Пускай тебя признают сумасшедшим или тихим маньяком. Скажу, что тайно ходишь за женщиной, сильно напоминающей тебе твою покойную супругу.

Пододеяльник, который он только что выполоскал и собирался отжать, выскользнул из рук и упал обратно в ванну, забрызгав недавно поклеенные обои. Нет, это только Ленке могла прийти в голову идея заклеить бумагой стены в помещении, где постоянно сыро. Другой здравомыслящий человек прежде подумал бы, а она...

Кстати, что она только что сказала? Кажется, она пытается-

ся обвинить его в сумасшествии, маниакальной страсти ко всем женщинам, хоть отдаленно напоминающим ему Эллу? Кажется, так. Но ведь это глупо! Та женщина со скамейки, разве она похожа на Эллу? Да ничуть!

Элла была брюнеткой, а эта блондинка. Причем натуральная, а не высветленная, он в этом неплохо разбирался. И неплохо рассмотрел ее со спины, когда пошел однажды за ней следом. Элла была крохотной во всем. Рост, размер стопы, ладошки, грудь, все было миниатюрным, почти детским. А эта женщина...

Она была высокой, с прекрасной фигурой, на такие фигуры теперь спрос у всяких папиков. Кстати, с одним из таких она и живет в своем огромном доме, который с легкостью променяла бы на его – полуразвалившийся. Видимо, не сладко ей там жилось – в ее золотой клетке.

Так вот она была высокой блондинкой, а Элла...

Элла была крохотной, беззащитной, ее мог обидеть всякий, и даже он не удержался. Взял и подло бросил ее ради Ленки. На кого променял, идиот!!! Взял и бросил.

А потом Элла бросила его. Поначалу все принимала его в гостях, принимала от него подарки, деньги, которые он совал ей в прихожей, чувствуя себя распоследним подонком. Улыбалась ему! Просила не чувствовать за собой никакой вины! Говорила, что вполне счастлива и совсем не одинока, а потом взяла и бросила.

Точнее, бросилась под пригородную электричку. Уехала

самым дальним маршрутом и бросилась там прямо с перрона под страшные стальные колеса. Они чудовищно изуродовали ее тело, его душу и его сознание.

Когда ему сообщили о ее гибели, он как раз...

А чем он, кстати, занимался в тот момент? Да, точно. Он собирался выпить кофе с пирожным, которое принесла из кондитерской его секретарша. Надо же, как запомнилось!

Александра заглянула в его кабинет, поддразнивая, помахала в воздухе крохотной коробочкой с пирожными, от которых по кабинету тут же поплыл сладковато-нежный запах ванили и шоколада, и спросила:

– Женя, будешь?

– Давай. – Он кивнул, не обращая внимания на то, что Сашка снова опустила его отчество.

Знакомы были давно, еще со студенчества. Отношения были теплыми, дружескими. Сашка часто приходила к ним с Эллой в гости, без конца представляя им все новых и новых своих избранников. Напивались иногда, часто ездили на природу, удили рыбу. Хорошо было, какое тут, к черту, может быть отчество?! При посторонних – да, а тет-а-тет – ну его к черту.

– С чаем или с кофе? – уточнила Александра, вдруг нахмурилась и спросила: – Что-то ты, Женек, со своей молодой женой не очень хорошо выглядишь. Не высыпaeшь, что ли?

Его гражданское сожительство с Еленой Александра не то

чтобы не одобряла, она его просто-напросто игнорировала. Не стало рыбалок, застолий за полночь, не стало ничего. Одно вот имя без отчества их теперь и связывало.

– С кофе, Санек, с кофе я стану есть твои пирожные, – уточнил он, мягко опустив второй ее вопрос.

Он ничего ни с кем не собирался обсуждать. Ни того, почему не высыпается. Ни того, отчего так скверно выглядит.

Устает он, понятно? Просто устает от работы, от новых отношений, которые предстоит еще строить и строить. Ведь и фундамента еще не возведено!

Устает от мыслей подлых. И от ревности еще, да!

Стыдно кому признаться, он ревновал свою бывшую жену ко всем и ко всему. Даже к несуществующим любовникам, которые еще только могли у нее появиться, ревновал. Ревновал к новой работе, новой мебели, которую сам же ей и подарил и на которой она теперь сидит и лежит без него. К его отсутствию в ее жизни ревновал особенно. И терзался день за днем в мыслях: а думает ли она о нем, а вспоминает ли, а что именно думает, что вспоминает?

Дверь распахнулась, вошла... Нет, не вошла, ворвалась Сашка и уставилась на него чумовыми потемневшими глазами. Рот распахнут, глаза того гляди вывалятся и руками вспархивает, как курица, ей-богу.

– Саш, ну чего еще? Чайник выкипел или пирожное на пол уронила? – улыбнулся ей Женя, зная за секретаршей слабость к паникерству.

– Там!!! Там, Женя!!!

– Что там? Ну что там? – Он вытянул шею, пытаясь просмотреть приемную из-за Сашки в распахнутую настежь дверь. – Нет там никого. Ты чего всполошилась?

– Там звонят! – выдавила через силу она и очень громко, как-то неестественно громко всхлипнула. – Там, Женя! Там Элла...

Эллы никакой в приемной не было. Он видел это преотлично. И разозлился тут же от ненужного упоминания имени бывшей жены. Он себе не позволял ее имя лишний раз произносить, с чего вдруг это стало позволительно Сашке?

– Где Элла, Сашок? Ты можешь говорить внятно?

Странно, но даже в тот момент не было предчувствия беды. Принялся перебирать бумаги. И все ждал, когда она либо уйдет, либо объяснится. А она вдруг разревелась. Да громко так, по-детски совершенно, плечи, грудь принялись чудно так подпрыгивать. Какие-то судорожные всхлипы из горла и ни одного внятного слова, ни одного ведь!

Не выдержал он, когда она в десятый раз назвала имя его бывшей жены. Выбрался из-за своего стола. Обошел Сашку стороной, выглянул в приемную и обнаружил телефонную трубку, снятую с аппарата.

– Алло! – рявкнул он непозволительно грубым для самого себя голосом.

– Евгений Викторович? – уточнил женский голос с излишней трагичностью.

– Да, Евгений Викторович у телефона. Слушаю вас.

И ведь снова ничего такого не закопошилось в мыслях. Ничего! Ни единого вопроса. С чего ему звонит незнакомка, к примеру? Почему у нее столь печальный голос? И чем она сумела в два счета так расстроить Александру – его секретаршу и в недалеком прошлом отличную подружку?

– Удальцов Евгений Викторович? – снова повторила настырная женщина, голосом еще более печальным, чем прежде.

– Он самый! – Он даже развеселился, помнится. – А в чем, собственно, дело?

– Вам звонят из Воронцовского отделения милиции. Железнодорожного отделения, – уточнила она, наконец-то его озадачив.

Милиция?! Да еще воронцовская?! С чего бы это? Это же черт знает где! Какое отношение это имеет...

И вот тогда она и сказала. Все так же, не меняя тона, женщина сначала спросила его про Эллу. Мол, какое отношение он к ней имеет и имеет ли вообще? Он сказал, что да, имеет. Хотя не имел давно. Хотя подло предал ее и бросил потом.

А потом...

Он ведь упал в обморок, дослушав ее и переспросив раз три. Упал в обморок, как какая-то слабая женщина. И провалялся в беспамятстве две недели. За это время Эллу успели похоронить, хотя, по слухам, хоронить там было почти нечего. Стальные колеса изувечили ее маленькое тело, раз-

метав по рельсам. Потом он выписался из больницы, сразу попав в заботливые лапки Леночки. Еще через какое-то время начал ходить к тому пруду, где они с Эллой познакомились. А еще через какое-то время Леночка поймала его на этом и начала таскать по всем психоаналитикам их города. Ей с чего-то пришла в голову идея, что сам он с этим не способен справиться. Что ему нужна помощь всех медицинских светил, вместе взятых.

А ему не нужны были врачи, ему просто нужно было чье-то присутствие рядом, и все. Да, он страшился одиночества, но совсем не того, о котором ненавязчиво намекали все вокруг доктора. Ему требовалось присутствие рядом родного, близкого человека. Такого, как Элла!

Ленка заменить ее так и не смогла, хотя по-своему и старалась. Может, она и устала, оттого и раздражена. Устала его вечно подозревать в тайной любви к покойнице. Устала ревновать к коллегам по работе. Ей все казалось, что они умнее ее и много интереснее, чем она. Ей просто не дано было понять, что даже если бы все было именно так, не стал бы он спать со всеми подряд.

Теперь вот новая тема для обсуждения появилась. Новый запал для его гражданской жены. К слову, гражданское сожительство тоже ее очень бесило. И она не раз намекала ему, что пора бы и приличия соблюсти, но...

Но он пока оставался непреклонен. Хоть здесь-то он делает так, как сам решит. Хватит уже принимать за него ре-

шения. Хватит! Позволил однажды, теперь вот каяться ему всю оставшуюся жизнь.

– Я не следил за ней, Ален, – мягко опротестовал Женя и принялся тщательно вытирать руки о яркое полосатое полотенце, нанизанное на крючок.

– А что ты делал? Мечтал о ней? – фыркнула она, двинув на него высокой грудью. – Что, Удальцов? Признавайся.

– Да не в чем, собственно, признаваться. – Он попятился.

Намерения гражданской жены были непрозрачны. Сейчас она запросит, чтобы он овладел ею прямо здесь. Прямо в этом узком тесном пенале, именуемом его умершими родителями ванной комнатой. Чтобы он, как в кино, страстно набросился, прижал ее спиной к стене, срывал с нее одежду, и рычал, и сквернословил, и лупил ее, куда придется. Стоило еще разобраться, кто из них был психически нездоровым. Он, конечно, не пуританских взглядов, далеко не таковых, но иногда ее желания ввергали его в ступор.

– Возьми меня прямо здесь, Удальцов, – не обманула Ленка его предположений. – Возьми, слышишь! И когда станешь меня брать, станешь рассказывать, что ты чувствовал, когда шел за этой теткой следом! Все, все, все о своих чувствах! Все!!!

– Да иди ты, ненормальная! – не выдержал Женя и протиснулся между ней и стеной. Вышел за дверь, притормозил и проговорил, едва не показав ей язык в отместку: – Кстати, эта тетка выглядит много моложе тебя, дорогая. Много мо-

ложе и симпатичнее.

Последнее слово всегда должно было оставаться за ней. Всегда, невзирая на явное поражение, поэтому Леночка выплюнула ему вслед:

– Еще раз она присядет на эту скамейку, я на нее собак спущу.

Собак на родительском подворье не было. Был рыжий кот. Старый и ленивый. Мыши смело могли устраивать на нем ясли для своих мышат, он не шевельнул бы лапой. Приоткрывает один глаз, закрывает. Потом второй, снова закрывает. Жене стало казаться в последнее время, что рыжий давно уже не смотрит двумя глазами одновременно. Потому что ему лень. И слегка завидовал коту.

Вот бы ему, Евгению Викторовичу Удальцову, коммерческому директору крупнейшей строительной компании, так поленился. Ему бы так же проваляться с недельку в томной неге, поглядывая сквозь полуприкрытые веки на мир. Подумать обо всем, что с ним случилось за последние несколько лет. Принять решение, наконец. Не спонтанно, на ходу, как получилось с Ленкой, а вполне обдуманно и серьезно.

– Я ей устрою, этой сучке! Я ей устрою. Пусть только попробует сюда еще раз явиться, я ей всю морду расцарапаю! Ходит тут, понимаешь, глазками стреляет, а у нас потом с веревки белье пропадает!

Ленка, не успокоившись, ворвалась следом за ним в комнату. Дождалась, пока он снова усядется за компьютер, на-

висла над ним и верещала, верещала, верещала.

Называется, поработал, подумал Женя с грустью. В офисе ремонт. Шум, гам, запах краски, стук забиваемых гвоздей, жужжание шуруповерта и визг дрели. Взял работу на дом, решив, что здесь ему будет спокойнее. Снова не так все решил!..

– Ей не нужны твои носки с колготками, дорогая, – стиснув зубы, процедил Удальцов. – Она живет со своим мужем в огромном доме через два квартала отсюда. И предваряя твои вопросы, признаюсь. Да, я пошел однажды за ней следом. Не из-за того, что ее внешность полная противоположность внешности моей покойной любимой жены. А потому что стало интересно: с чего эта дамочка таращится на мой дом которую неделю.

– Выяснил? – Алена вдруг ухватила за сердце, уголки пухлого рта повисли скобочкой, и сама она стала пятиться от него, как от прокаженного.

Что опять за фокусы!..

– Выяснил! А что тебя так возмущает? Я должен был выяснить, черт побери, что это за человек крутится около моего дома!

Он вдруг начал орать на нее. Прямо по-настоящему! Как никогда не орал ни на кого в этой жизни, даже на провинившихся подчиненных! И удивительное дело: ему это так понравилось – орать на нее и видеть недоуменный испуг в ее глазах.

– И я выяснил, черт побери! И меня это вполне успокоило, устроило и еще не знаю что! – Он так вошел в раж, что даже с кресла сорвался и принялся кружить по комнате, размахивая руками и продолжая нагнетать тон. – Она вполне обеспечена, не собирается меня грабить, убивать и похищать тебя не собирается за выкуп! Она живет с мужем в огромном доме. Ее муж, по всей видимости, вполне обеспеченный человек!..

– А чего она тогда тут топчется уже год почти? – перебила его Леночка, обретая постепенно почву под ногами и начав снова трепетать крылышками носа.

– Да, может, ей дом мой нравится! Может, кот! Может, я, а может, пионы мамины! Я откуда знаю?! Мне это и не интересно вовсе! Что-нибудь еще?!

Все, он выдохся. Устал! Устал орать на нее и объясняться снова и снова, как все эти годы объяснял и анализировал ей каждый свой поступок, даже тот, который не имел к ней никакого отношения. И хотел сейчас одного...

Чтобы ее вдруг не стало – этой необузданной женщины, с красотой и страстью дикой необъезженной кобылицы. Чтобы она исчезла из его жизни раз и навсегда и никогда уже ее руки не касались его, не обвивали за шею, не лезли в штаны и...

И вообще чтобы ничего его с ней уже никогда не связывало.

– Да, что-нибудь еще будет! – Леночка сомкнула длинные изящные пальцы на тонкой талии. – Значит, говоришь, по-

койной любимой жены, так? И дом, говоришь, только твой, так?

А-а-а! Вот она за что зацепилась! Поймала его на словах, оброненных по неосторожности. Теперь пипец. Теперь часа на три разборок. Боже, как он устал от всего этого. Был бы покровожаднее, давно бы... убил ее, наверное.

А что, если выгнать ее?! Просто взять и выгнать на улицу! Это ведь так просто, так необременительно, так легко. Их ведь ничего, кроме постели, не связывает. Нет узаконенных государством брачных уз. Нет общих детей. Нет совместно нажитого имущества. Ничего нет, кроме постели. Да и там Удальцову в последнее время вдруг стало тесновато рядом с ней. Тесно, душно, обременительно и еще, пожалуй, гадко.

– Да, я так говорю, а что? – не стал он на этот раз бросаться ее утешать и выкручиваться. – Ты что-то имеешь против?

– Да как ты!.. Как ты смеешь, скотина?! После всего, что я для тебя сделала!!! – Она начала как будто задыхаться, тиская тонкую кофточку на груди, и озираться по сторонам, видимо выбирая место, куда бы ей упасть в обморок. – Я таскалась с тобой по врачам. Я кормила тебя с ложечки! Я... Я любила тебя, наконец. Все эти годы любила и была тебе верна!

– Ты любила мои деньги, Алена. Признайся, что на меня тебе было наплевать.

– Это неправда! – взвизгнула она своим неприятным, режущим слух фальцетом. – Это неправда!

– Правда, правда. – Он подошел к шкафу, распахнул скрипучие створки и принялся швырять прямо на пол вещи с ее полки. – Видишь, сколько всего накопилось за эти годы. И ведь это еще не все. Есть еще машина, украшения. Было много поездок, и всего вообще было много. Так ведь, милая? И тебе все это нравилось всегда. А на меня тебе было плевать. На мою боль, к примеру. Ты терзала меня все эти годы своими вопросами. Ты ни разу не промолчала деликатно! Хотя о чем это я?! Что такое деликатность, нам неизвестно. Я жил с тобой все эти годы как на раскаленной сковородке. Силится отыскать себе место, где попрохладнее, где не так печет, и так и не смог...

– Что?.. Что ты этим хочешь сказать?! – Сильно побледнев, Алена смотрела на гору одежды, увеличивающуюся в размерах с каждым мгновением. – Ты хочешь сказать, что был со мной несчастен?!

– Да! Да! И я... – Удальцов замолчал минуты на две, рассматривая ее в упор, все думал, говорить или нет, говорить или нет, потом все же решился: – И мне кажется, что я ненавижу тебя.

– Да за что?! За что же, Женечка?! Я же старалась!

– Да, возможно, – кивнул он, не согласиться было нельзя, она и правда иногда старалась.

– А за что тогда?!

В ее красивых карих глазах задрожали слезы. Ей очень шло, когда она плакала, это придавало трогательной секса-

пильности, и она об этом знала. Пускай нечасто, но она прибегала и к этому оружию тоже.

– За что тогда ты ненавидишь меня, любимый?!

– За то, что ты развела меня с Эллой.

И как это, интересно, вырвалось?! Как?! Он же так тщательно все это хоронил в себе, все ведь успело зарубцеваться. А теперь вдруг прорвалось сквозь уродливый шрам и снова принялось кровоточить и болеть. Да так, что он уже не сумел остановиться и говорил, говорил, говорил.

– Если бы не твоя напористость, не твоя скотская страсть, Элла простила бы мне мой грех. И мы снова были бы с ней вместе. Нет! Ты не способна была отступить тогда. Ты пришла ко мне в кабинет. Ты подсыпала в коньяк какой-то дряни. Признайся хотя бы теперь: подсыпала? – Он смотрел на нее тяжело, как никогда не смотрел прежде. – А когда я уснул, ты позвонила ей и пригласила посмотреть на то, как у нас с тобой все прекрасно сложилось. Она ведь... Она ведь была такая маленькая, такая ранимая... А ты воткнула ей в сердце кинжал буквально и провернула там трижды. Первый раз, когда затащила меня к себе на день рождения и силой уложила в постель. Второй раз, когда позвонила ей и рассказала о том, что мы с тобой... А третий... Мы ведь долго говорили с ней накануне. Очень долго! И она, кажется, уже готова была простить меня.

– Перекрестись, если кажется, – фыркнула Алена презрительно, уселась на диван, закинув ногу на ногу, и ухмыльну-

лась. – Ах, бедный он, несчастный! Ах, затащили в постель бедного мальчика, лишив невинности! Хватит врать, Удальцов! Хватит корчить из себя жертву! Да ты же с первой минуты знакомства с меня глаз не спускал. Ты же хотел меня! Ты хотел меня всю! И получал то, что хотел, и оторвать тебя от меня было делом проблематичным. Потому что дома этого не было ни черта. Дома тебя ждала твоя сизая спирохета с капустным салатиком и кусочком сыра на краешке тарелочки. И с вечными нудными разговорами о смысле жизни. Она же не давала тебе, Удальцов! Сам же рассказывал, что у вас с Эллой были проблемы в интимной жизни. То ли больная она там у тебя была, то ли фригидная. Сам же говорил! И лез на меня всякий раз! И отпускать не хотел и...

– Отпускаю, Алена. Отпускаю, милая. На все четыре стороны отпускаю! – И Удальцов совершенно неожиданно рассмеялся с явным облегчением. – Уходи, детка! Я сыт твоим телом по самое не хочу, о душе разговор не ведем по понятным причинам, уходи!

Он очень боялся ее истерики. И не истерики самой, а того, что он мог уступить. Мог сломаться. Она станет рыдать, собираясь. Рыдать и причитать. А он, наслушавшись, начнет жалеть ее, ругать себя. И потом непременно уступит и оставит ее.

Странно, но истерики не было. Алена очень сноровисто раскидала свои вещи по сумкам. Набралось прилично, пять здоровенных баулов. Выгребла из шкатулки все свои цацки,

увязав их в шейный платок узелком. Попросила денег на такси и отбыла восвояси. Правда, перед самым отправлением она вдруг выскочила из машины, подбежала к нему. Он провожал ее, опираясь о родительскую калитку. Схватила за воротник домашней куртки. Притянула его лицо к своему лицу, тут же больно впилась губами и зубами в его рот. А потом, когда он вырвался, прошептала с диким блеском в глазах:

– Не думай, что вам с ней это все сойдет с рук, любимый.

– С кем – с ней? – не сразу понял Удальцов, больше всего сейчас желая того, чтобы Алена поскорее уехала.

– Ты знаешь, о ком я. – Алена тряхнула кудряшками. – Так вот живи с мыслью о том, что возмездие неминуемо.

– Успокойся, прошу тебя. – Он недовольно сморщился. – Мы же современные, взрослые люди и...

– Я накажу вас обоих так, как вам не могло бы присниться и в самом кошмарном сне! Жди, родной! Жди расплаты!!!

Мазнула его по щеке губами, вприпрыжку вернулась к машине и через минуту укатила в неизвестном направлении. Может, к маме своей вернется теперь в деревню. Может, в свою однокомнатную квартирку, которую оставила за собой, переехав к нему. Его, если честно и откровенно, это волновало теперь мало. Больше тревожили угрозы, о которых она шептала ему на ухо.

Расплаты? Какой расплаты? О чем речь? Ладно, ему начнет гадить, так та женщина со скамейки при чем? Ей за что

страдать?

Надо бы ее предупредить, решил Удальцов, ворочаясь на широченной родительской кровати без сна. Непременно надо предупредить, а то она и знать не будет, чья рука нанесет ей удар в спину.

Глава 3

Удар в спину пришелся как раз в ту минуту, когда Влада пыталась выстучать из узкой бутылочки кетчуп на кусок мяса. Уставши ждать мужа к ужину, она проголодалась. Во время обеда в столовой реабилитационного центра она почти ничего не съела. И голод ближе к вечеру принялся донимать, да с такой силой, что разболелся желудок. Ужинать без Игоря Андреевича она не имела права. Она должна была ждать его, все равно когда он вернется. Сегодня он что-то задерживался, забыв предупредить по телефону. А голод донимал. Вот и решила сделать себе бутерброд. Отрезала огромный ломоть черного хлеба со злаками, она любила именно такой. Потом положила на хлеб лист салата, дольки маринованного огурца. Сверху все это добро придавила куском вареного мяса и только собралась полить все кетчупом, как в спину ее ударили.

– Так тяжело дожидаться мужа со службы и поужинать вместе с ним?!

Игорь Андреевич сграбастал ее затылок в охапку, больно сдавил и, выбив у нее из рук бутылочку с кетчупом, потащил из кухни в столовую. Швырнул ее там на диван и тут же без лишних слов принялся расстегивать ремень на брюках.

Влада сжалась. Сейчас должно было состояться что-то одно из двух. Либо он станет ее иметь прямо здесь в столовой

на узком неудобном диване, либо примется стегать ее ремнем. В воспитательных целях, так сказать.

Удивительно, но наказания не последовало. Игорь Андреевич просто стащил с себя штаны. Бросил их ей в лицо и коротко приказал принести домашние брюки с футболкой. Пиджак, рубашку, галстук он тоже снял, оставшись сидеть за столом в одних трусах и носках.

Был он на удивление задумчив сегодня и почти не обращал на нее внимания. Что удивляло и радовало одновременно. Прежде непременно отходил бы ее ремнем за дурацкий бутерброд, за то, что сутулилась, делая его, что ходила по дому в спортивном костюме, а не в юбке с блузкой, как он требовал.

– Что это с ним? – шепнула ей в коридоре перед кухней Татьяна, сноровисто повязывая передник, собираясь накрывать на стол к ужину. – Тихий какой-то сегодня. Задумчивый.

– Не знаю, – пожала Влада плечами и бегом помчалась вверх в супружескую спальню.

Там у Игоря Андреевича имелся встроенный шкаф, размером с комнату, в которой проживала в общежитии ее бабушка. Все было развешано, расставлено в строгом порядке, по сезонной принадлежности, по стилю. Упаси господь что перепутать!

Влада быстро повесила костюм на вешалку. Рубашку отправила в корзину для грязного белья, Татьяна потом забе-

рет. Достала со специальной полки тонкие мягкие джинсы специально для дома, футболку и, забыв переодеться, помчалась к мужу в столовую.

– Вот, возьмите, пожалуйста. – Влада протянула мужу одежду, привычно называя его на «вы».

Сколько она ни старалась, перешагнуть этот барьер так и не смогла. Правильнее – не успела. Только начала было привыкать к мужу после шумной скорой свадьбы, как началось такое...

– Почему ты снова бродишь по дому в штанах, Владимир? – Пушистые ресницы мужа почти сомкнулись, когда он пристально глянул в ее сторону. – Ты же знаешь, что я этого не люблю, и все равно надеваешь это дерьмо. Назло?

– Нет, нет, что вы! – Она попятилась, судорожно сглотив. – Я просто забыла!

– Забыла?!

Его ресницы молниеносно взлетели вверх. И Владу привычно обдало ледяной свежестью от взгляда его светло-голубых глаз. В них и голубизны-то почти не было, в этих глазах. Что-то прозрачное всегда сквозило в них, светлое, мерзлое, будто скованное коркой льда.

– Сядь сюда, будем говорить. – Игорь Андреевич с силой опустил тяжелый кулак на диван рядом с собой. – Сядь, мерзавка!

Нет, кажется, она рано радовалась. Избежать привычных тумачов ей сегодня не удастся. И хорошо еще, если эти уда-

ры будут не по лицу. Хорошо, если он просто стукнет ее по спине, коленкам и плечам, монотонно перечисляя ей пункты правил внутреннего распорядка, раз и навсегда заведенного в этом доме.

А если двинет по зубам! Губы распухнут к утру, а она хотела завтра снова пойти в центр для женщин, а оттуда завернуть к любимому дому за невысоким забором. Что делать, что делать?

Если рот распухнет, будет беда. Синяк под глазом можно прикрыть солнцезащитными очками, а вот рот платочком не прикроешь. Неудобно как-то ехать в переполненном автобусе, прижимая носовой платок к губам. Наглядно сразу как-то, стыдно.

– Ну! Рассказывай, Владимира!

Рука Игоря Андреевича, породистая, с красивыми пальцами, которые она когда-то давным-давно с обожанием целовала, легла ей на ногу выше колена.

– Что рассказывать? – пробормотала она, напрягаясь.

Удар мог последовать в любую минуту. Даже тогда, когда она совсем этого не ожидала. Игорь Андреевич мог улыбаться, говорить ей приятные вещи и через мгновение мог щелкнуть ее по лицу, сочтя, что она смотрит пустыми глупыми коровьими глазами на него и совсем не понимает, о чем он с ней говорит.

– Чем занималась сегодня? Куда ходила? – Его пальцы вкрадчиво полезли выше, слегка поглаживая нежный бархат

ее спортивных штанов. – Скучала по мне, милая?

Почему он спросил?! Почему именно сегодня?! Почему спросил, куда она ходила? Он же знает, что, кроме местного супермаркета, она никуда не ходит. А вдруг!..

Влада похолодела.

Вдруг ее кто-то видел возле центра?! Или директриса состоит в дружеских отношениях с ее всеми уважаемым супругом и...

Или не с ним, а с кем-то из их общих знакомых? Могла она проговориться или нет? Могла или нет?! Уверяла ее в полной конфиденциальности, говорила, что никто не узнает про ее визит. Тем более муж, но...

Но фамилия Черешнева Игоря Андреевича в их городе постоянно на слуху. Она мелькает на страницах местной прессы. В светской хронике ее благоверному часто посвящают целые колонки. Не знать его в городе мог только ленивый. А Анна Ивановна по роду своей деятельности постоянно должна была толкаться в мэрии, что-то выпрашивать там, подписывать. И не столкнуться там с Черешневым Игорем Андреевичем или с упоминанием о нем было достаточно сложно.

Неужели директриса ее выдала, предала, взяла и рассказала про ее визит в их центр?!

– Эй, ты чего задумалась, Владимира? – Холодные пальцы мужа, забравшись под резинку штанов, не больно совсем ущипнули ее за бок. – Ты чего замерла, милая?

– Я... Я не знаю, что нужно говорить, – вдруг ляпнула она, сама испугавшись своей смелости.

Откуда-то из сегодняшнего минувшего полудня вдруг выплыли насмешливые и понимающие глаза женщины Марины, и зазвучал в ушах ее ломкий, грубоватый голос, задающийся вопросом о терпении.

А ведь и правда! Когда же все это закончится? Как долго она будет терпеть? Она – Черешнева Владимира, двадцати восьми лет от роду, не дура и не уродина, с неоконченным высшим образованием, с двумя сломанными мужем ребрами, с сотрясением мозга, полученным от него же, и бессчетным количеством синяков, не успевающих сползать с ее привлекательного лица.

Как долго все это будет продолжаться?! До того момента, что ли, пока он не сломает себе шею в авто– или авиакатастрофе? Себе или ей?! Так этого может и не случиться никогда! А ежедневные побои все будут и будут наноситься им с ленивой методичностью...

– О как! Что значит не знаешь?! – Игорь Андреевич был озадачен неожиданным ответом всегда покорной жены. – Ты не знаешь, где была сегодня днем? И не знаешь, скучала ли по мне? А у кого спросить нужно? У Таньки, что ли? Эй, Танька!

Он резво повернулся в сторону широкой арки, отделяющей кухню от столовой. Повернулся, позабыв одеться. Домашние джинсы и футболка так и лежали, перекинутые че-

рез его колени. Вытянул правую руку и призывно пощелкал пальцами, снова громко позвав:

– Татьяна, иди-ка сюда!

Татьяну Игорь Андреевич никогда не оскорблял и не обижал. Мог наказать материально. Мог шлепнуть чуть ниже поясицы. Мог начать шептать той что-то на ухо, от чего Татьяна заливалась пунцовым румянцем и хихикала совершенно по-глупому. Но того, что он позволял себе со своей женой, он не позволял себе больше ни с кем.

– Да. Игорь Андреевич.

Татьяна, еще достаточно свеженькая и ладная женщина сорока лет, выглянула из арочного проема и вопросительно вскинула брови.

– Ты мне не подскажешь, где была сегодня моя жена? Да, и еще! Ты не знаешь, скучала ли она по мне, нет?

Татьяна ничего не стала отвечать, поняв по обычной бледности Влады, что начинается ежевечерняя экзекуция.

Ответа и не требовалось. Игорю Андреевичу просто нужна была прелюдия. Все равно какая. Пусть даже с привлечением домашней прислуги или комнатных растений, но нужна. Лишить себя подобного удовольствия после длинного напряженного дня, заполненного набившей оскомину вежливостью, он не мог.

– Я не знаю, что вам следует отвечать, чтобы не вызвать ваше недовольство, Игорь Андреевич, – скороговоркой выпалила Влада и еле удержалась, чтобы не зажмуриться. – Да,

я выходила из дома, чтобы прогуляться по городу. Да, я бродила и думала. Бродила и думала...

– Ты можешь думать? – перебил он вдруг ее неестественным для себя тихим, будто могильным каким-то голосом. – Скажите, пожалуйста! Моя пустоголовая молоденькая женоушка может думать. И о чем ты думала, красотка? Уж не обо мне ли?

– О вас! – Она, осмелев, повернулась к нему. – Я только и делаю, что все время думаю о вас, Игорь Андреевич!

– Да? Интересно-интересно, – супруг был явно озадачен ее неожиданной длинной речью. – И что ты обо мне думаешь, дорогуша?

– Мои мысли только об одном.

Она попыталась сглотнуть снова, собираясь ответить ему правду и только правду, но язык лишь царапнул по сухому небу, а в горле стало сухо-сухо и горячо еще.

Она впервые за пять лет брака начала говорить с ним. Впервые об этом! Разговоров и прежде было много, но не таких, как этот. Этот был необычен уже тем, что она вдруг перестала его бояться как бы вовсе. Нет, бояться-то она его боялась, просто сейчас решила не показывать своего испуга. Смотреть в глаза, дотрагиваться до него руками, не все же ему. И постараться сделать так, чтобы он ее услышал, наконец.

– И? – Игорь Андреевич неожиданно отвел свои будто замороженные глаза. – Я что, так и буду из тебя по слову та-

щить, Владимира? Говори, наконец! Если снова станешь говорить о разводе, получишь... Ты знаешь, что ты получишь! Ничего! И пакет интересных снимков в придачу!

– Я не о разводе. – Влада мотнула головой и, хотя ей этого совершенно не хотелось делать, погладила мужа по щеке подрагивающей ладонью. – Я все думаю и думаю, что такого я сделала вам, что вы меня так ненавидите!

– Я?! Ненавижу?! Да ты дура совершенная, раз такое говоришь! – забубнил он, отшвырнув ее руку от своего лица, и совершенно неожиданно начал отползать от нее по дивану в противоположную сторону. – Я все для нее. Одеваю, как куклу. Вешаю на нее драгоценности. Не работаешь. Жрешь что захочешь. И я ее ненавижу! С чего ты взяла?!

– Вы бьете меня, Игорь Андреевич. – Влада со вздохом отвернулась.

– И что? Не бью, во-первых, а воспитываю! Это большая разница. Ты вот скажи мне, Владимира, разве я ударил тебя хоть раз без видимой причины? Нет!

– Это плохо. Это... – Она совсем не слушала его, странной безрассудной силой ее подбросило с дивана, и слова, сумасбродные, дерзкие слова начали вырываться наружу, когда она устремилась прочь из столовой. – Это больно, наконец! Вы истязаете меня, за что?! За то, что я красива, молода?! Так вам бы этим наслаждаться, а вы это все во мне уничтожаете!!! Это неправильно! Это плохо! Это больно!!!

Она в три прыжка преодолела расстояние до лестницы.

Взлетела по ступенькам наверх и заперлась изнутри в комнате, которую ей выделил супруг для вышивания и штопки. Запор на двери был смешным и хлипким. Дверь могла распахнуться в любую минуту под напором разъяренного Игоря Андреевича. Он ведь должен был теперь разозлиться. Еще как должен. Должен был устремиться за ней следом, схватить за волосы, поставить на колени, стегать по лицу и приговаривать:

«Так-то ты, дрянь, согласишься меня за все, что я для тебя сделал! В этом твоя благодарность заключается! Я ломаюсь целыми днями на работе, устаю, как проклятый! Мне хочется домашнего тепла, уюта, любви, а дома ждет меня маленькая непослушная дрянь!...»

Ах, если бы только это было правдой! Если бы хоть маленькая толика напоминала ее, она бы тут же поспешила все исправить. Молниеносно обустроила и окружила их семейный быт удобствами, заботой и той самой любовью, о которой и не мечталось в их браке.

Но ведь все было иначе! Все было не так!

И работала на него давно и хорошо сплоченная команда. А сам Игорь Андреевич все больше в течение дня по кабинетам городской управы шастал. Друзей у него там было немерено. А если не на фирме и не в мэрии он пребывал, так непременно в постели у какой-нибудь настойчивой дамы обретался, павшей жертвой его обаяния. Если лень было тратить время на ухаживания, то для этих целей у него всегда

секретарша Жанна под рукой.

Так что если от чего и уставал Игорь Андреевич, так это от самого себя, а не от работы. И домой он совсем не стремился, и понятым не хотел быть. Он так и остался темным ларцом за семью печатями для Влады. И сколько она ни пыталась его понять на самой заре их супружества, ничего не выходило. А потом уж и не для чего стало. Потом началась совсем другая эра. Эра глухой ненависти к нему и ожидания долгожданно обеспеченной свободы.

– Влада, открой.

Странно, но он не стал бить в дверь кулаком с намерением вывернуть шурупы хлипкого запора. Он постучал очень осторожно костяшками пальцев чуть выше дверной ручки.

– Вы снова станете меня бить! – крикнула она с отчаянием.

– Нет, не стану, – сказал снова очень тихо, без ярости, как будто за дверью сейчас стоял не ее муж, а кто-то другой – вежливый и спокойный. – Давай поговорим, раз ты настаиваешь.

Выбора у нее нет, это ясно. Не откроет на вежливый призыв, получит после того, как он сам эту дверь откроет.

Влада сползла с плетеного кресла, куда забралась с ногами. Отомкнула запор и тут же пулей юркнула на прежнее место.

Игорь Андреевич открыл дверь, вошел и с блуждающей, глумливой какой-то улыбкой медленно двинулся прямо на

нее. Он успел надеть джинсы, футболку. Даже руки вымыл. Они все еще были влажными, его хищные длинные пальцы, постоянно делающие ей больно.

– Итак, чего ты хочешь, Владимира? – Игорь Андреевич встал в опасной близости от нее. – Развода?

– Нет. – Она покачала головой, снова по привычке вжимая ее в плечи, будто он снова стоял за ее спиной с кнутом. – Я не хочу с вами разводиться, Игорь Андреевич.

– Так. Это выяснили. Чего тогда ты хочешь? Моей смерти?

Вот он сказал это, между прочим, совершенно без задней какой-либо мысли. Просто так сказал. А она тут же выдала себя с головой, покраснев и дернувшись, будто от удара.

– Ишь ты-ы-ы, а ведь ты не так проста и наивна, как можно подумать с первого взгляда. Ты та еще штучка, так ведь? – Игорь Андреевич ухватил ее за руку и с силой выдернул из кресла, прижав к себе так, что у нее тут же заныли те сросшиеся ребра, которые он поломал когда-то. – Смерти моей, значит, ждешь, Владимира, так?

– Нет, – замотала она головой, осторожно, чтобы не распалить его еще больше, начав выбираться из его рук. – Я не хочу, чтобы вы умирали.

Хотела! Еще как хотела! А в эту самую минуту больше, чем когда-нибудь! И хотя всегда страшилась смотреть на покойников, на мертвого Игоря Андреевича она глядела бы с великим удовольствием.

Устав вырываться, она обмякла и, уронив голову ему на грудь, простонала:

– Перестаньте меня мучить! Прошу вас, пожалуйста, перестаньте!

– Да? А разве я мучаю тебя? – Игорь Андреевич ослабил хватку, погладил ее по спине и совсем не больно куснул ее за верхнюю губу, прошептав: – Собирайся, малышка. Съездим куда-нибудь, поужинаем. Надоела Танькина стряпня, хочу чего-нибудь экзотического. Ты как насчет японской кухни, а?

Она согласно кивнула. Пускай везет, куда захочет. Ужинать – значит, ужинать. Хотя бы на людях он ее не трогает. Не бьет и не лапает. И вежливым старается быть, и даже если шепчет ей гадости и угрозы, мило улыбается при этом.

В ресторан так в ресторан.

– Что мне надеть? – опомнилась Влада, заворачивая в свою раздевалку, чуть уступающую размерами раздевалке ее супруга.

Он всегда сам выбирал ей наряд, редко одобряя ее выбор. Что-нибудь непременно бывало не так. Либо не гармонировало, либо не сочеталось. Вот и приходилось ей всякий раз спрашивать у него совета, чтобы потом не оказаться виноватой.

Игорь Андреевич неожиданно нарядил ее сегодня в узкое короткое платье с открытой спиной, голыми плечами и глубоким декольте. Влада в нерешительности приложила к себе

вешалку с платьем, поежилась и с сомнением покачала головой.

Прошлый раз, года два назад, помнится, когда она осмелилась в его отсутствие купить это платье и вырядиться потом в него, подкатив к театру на такси, Игорь Андреевич сломал ей ребра. Он бил ее так, как редко бьют мужчин. И обзывал самыми грязными словами, которыми только можно называть падших женщин. Целый месяц потом она провела безвылазно дома в тугой повязке, ежедневно вечерами вымаливая у него прощения срывающимся шепотом.

Платье было отправлено в дальний угол. И всякий раз, натываясь на него в шкафу, Влада невольно вздрагивала и ежилась. С чего это муж сегодня вдруг решил нарядить ее именно в него?

– Ты в нем прекрасна, дитя мое, – промурлыкал Игорь Андреевич в ответ на ее безмолвный вопрос. – Нужно еще что-то сделать с волосами...

Волосы бы она предпочла оставить распущенными. Они очень ловко прикрывали наготу спины и плеч. Но Игорь Андреевич снова удивил ее, велел заколоть волосы высоко над шеей. Потом с тихим смешком влез в заветную шкатулку. Долго рылся там и достал наконец оттуда дорогое кольцо с подвесками. Застегнул его у нее на шее. Долго расправлял на груди изумруды, не забывая пощипывать и поглаживать ее кожу, горевшую под его пальцами. И через полчаса они отбыли.

Влада не очень часто ездила с мужем в его машине, но ездить любила. Не с мужем, нет, машину любила.

Она усаживалась всегда сзади ровно по центру. Игорь Андреевич хотя бы за это ее не ругал и часто снисходительно посмеивался ее восторгам по поводу обивки, которую Влада поглаживала руками. Она изучила в салоне буквально все, включая мелкие царапины на дверной обшивке. Их было немного, точнее три. Одна совсем крохотная возле ручки. Вторая зигзагом почти у стекла. А третья была закручена спиралькой, и край ее прятался под сиденьем. Была еще отметина, видимо прожженная сигаретой, на самом сиденье слева. И странное размытое пятно на подголовнике, на котором обычно пристраивал свою талантливую красивую голову Игорь Андреевич.

Все это Влада изучила в мельчайших подробностях, подолгу ожидая мужа в машине возле его фирмы. Или когда он выходил из машины переговорить с кем-нибудь по телефону. Надо же было себя чем-то занимать, вот она и осматривала все и все подмечала. И смешно кому признаться, очень любила эти несовершенные отметины на совершенном теле любимого автомобиля Игоря Андреевича. Испытывала просто злорадное какое-то удовлетворение, подмечая все новые и новые рубцы. Не одна она, стало быть, его подводит. Имеется и еще что-то, не соответствующее абсолютной безукоризненности.

– Приехали, Владимира, – оповестил он, подруливая к ре-

сторану. — Ты уж води себя здесь прилично, чтобы мне не пришлось за тебя краснеть, как всегда.

Краснеть пришлось Владе, не ему.

Ресторан был стилизован под японскую хижину. Усаживаться нужно было на очень низенькие скамеечки, и Влада долго не могла пристроить длинные ноги, почти не прикрытые коротким платьем. Голая спина горела от взглядов мужчин. Плечи и грудь просто раскалялись докрасна от их пристального внимания. А тут еще Игорь Андреевич с чего-то разошелся, заставляя ее то нагибаться к нему, шептать ей на ухо ему приспичило! То вставать и топать к машине за забытым якобы бумажником. Бумажник потом самым невероятным образом находился в кармане его пиджака.

Неудобств от ее наряда была тьма-тьмушая. Ей даже казалось, что сзади откровенно перешептываются и посмеиваются все над ней. Тут еще пару раз наткнулась на откровенно презрительные взгляды женщин, одетых, словно по договоренности, в брюки. А Игорю Андреевичу все вроде было нипочем. Он выглядел вполне удовлетворенным, и Влада все недоумевала — с чего бы это.

Разрешилось все, когда они вернулись домой. Не успев перешагнуть порог, Игорь Андреевич отодвинулся от нее, оглядел всю с хмурым прищуром и пробормотал, цокнув языком:

— Да, дорогуша, и вырядилась ты. Теперь весь город станет судачить о том, какая у меня жена.

– Какая?! – Влада опешила от такой его наглости. Платье он сам ей выбирал! И даже настоял именно на нем. А теперь ставит ей это в упрек, ну не гад!

– Вульгарная, распутная, быть может. Да-да! Не удивляйся! Сидела, взбрыкивала голыми ногами так, что трусы было видно. И грудь едва не вываливалась. Нет, надо было и в самом деле надеть что-то другое. Теперь разговоры пойдут... А я в твоё оправдание и сказать ничего не смогу, все же видели.

– Кто – все? – упавшим голосом спросила Влада. – Все – это кто?

– Да так... Андрей Горобцов там был с женой. Знаешь такого? Нет? А я знаю. И жена у него такая стервозина, что ей на язык лучше не попадаться. Теперь станет на каждом углу твердить, что жена у меня отпетая шлюха!

– Но вы же сами... – попыталась все же вставить хоть слово в свое оправдание Влада.

– Что сами, что сами?! – рассвирепел вдруг он и тут же ткнул пальцем в сторону лестницы. – Пошла к себе, быстро!

Он ведь нарочно все это подстроил, догадалась она, просидев в комнате для рукоделия часа два. В спальню ее пока не приглашали, стало быть, требовалось сидеть именно здесь.

Специально все подстроил, выставив в невыгодном свете перед своими знакомыми.

А для чего, собственно? Какую цель он преследовал?

Что-то здесь крылось определенно. Игорь Андреевич никогда ничего не делал просто так в случаях, касающихся именно ее. Следовало вспомнить, что предшествовало их вылазке в этот японский ресторанчик. Она и вспомнила. Игорь Андреевич вернулся домой в странной задумчивости. Потом затребовал отчет о том, чем она занималась целый день. Потом...

Потом состоялся странный разговор, в котором он упомянул о разводе и о том еще, что она желает ему смерти. Она растерялась от такой его пронизательности, и тут же следом от него поступило предложение поехать куда-нибудь поужинать.

Что-то он задумал, но вот что?!

За размышлениями, в которых она протерзалась почти до полуночи, Влада незаметно задремала. Проснувшись от сильной боли в спине. С вечера по лопаткам настучал благоверный. Да еще и уснуть пришлось в плетеном кресле, поджав под себя ноги. В спальню-то ее так и не позвали!

Она потеряла ноющие коленки. Встала, осторожно прошлась по комнате, разминая затекшие ноги. Глянула на часы. Половина четвертого утра. Почему он не вызвал ее? Все так странно. Еще не было ночи, чтобы он не уложил ее в кровать слева от себя. А тут вдруг с чего-то позабыл о ней.

Влада приоткрыла дверь и выглянула в коридор. Дверь их спальни была чуть приоткрыта, и оттуда доносилось отчетливое мирное похрапывание Игоря Андреевича. Значит, ле-

жит на спине. Он всегда начинал храпеть, когда переворачивался на спину. Осторожно ступая на цыпочках, она подошла к супружеской спальне и заглянула в комнату.

Игорь Андреевич крепко спал. Правда, спал он не один. Слева от него, уткнувшись лицом ему в подмышку, мирно посапывала Татьяна! Их домработница Татьяна лежала сейчас на супружеской половине кровати, которую обычно занимала Влада, и рука ее хозяйски покоилась у Черешнева Игоря Андреевича на животе.

Что все это значит, черт побери?! Что происходит вообще в этом сотню раз проклятом ею доме?!

Вечером он вывозит ее в свет, выставляя при этом на всеобщее обозрение буквально голой. А ночью спит в одной постели с домработницей.

– Когда же все это закончится, господи?! – прошептала Влада и пошла по коридору к гостевой спальне.

Как она устала от него, от жизни с ним и от жизни самой, наверное, устала тоже. Укладываясь под прохладные простыни на койку для гостей, которых в их доме отродясь не бывало, Влада впервые пожелала смерти именно себе, а не ненавистному Игорю Андреевичу.

Закрыть бы глаза, думалось ей, уснуть и не просыпаться больше. И не думать, не мучиться, не стараться понять, что на этот раз задумал сотворить с ней изощренный до подлостей ее совершенный Игорь Андреевич.

Она будто накаркала, напорочила беду! Как это говорит-

ся: не буди лиха, пока оно тихо? Точно так, точно так. Она сама и виновата: напороочила, накаркала, разбудила страшные силы.

Вскоре на окраине города ее сбила машина. И опять же сбила как-то странно. Не случайно будто бы, а словно дожидалась именно ее – Черешневу Владимиру.

Глава 4

Странности начали происходить прямо на следующий день.

– Милая, – со сладкой улыбкой обратился к ней Игорь Андреевич за завтраком. – Чем собираешься сегодня заниматься? Какие-нибудь планы есть на день?

– Не знаю. Пока не решила, – промямлила она. – Может быть, схожу за продуктами.

Смотреть на него сегодня ей было особенно отвратительно. Игорь Андреевич словно сошел с ума или делал все для того, что она сочла себя сумасшедшей.

Он ведь нашел ее утром в гостевой спальне. Зашел как ни в чем не бывало. Стащил с нее тонкое одеяло, потом простыню. Пощекотал пятки, прочно удерживая колени сильными руками. Это чтобы она вырваться не смогла. Щекотки она не переносила до визга. Потом стащил ее брыкающуюся с кровати и поволок в их спальню, подгоняя шлепками по заднему месту.

– Ступай, ступай, беглянка. Ишь, чего удумала, сбежать от законного мужа решила, – утробно похохатывал Игорь Андреевич, наседавая сзади. – Я просыпаюсь, а ее нет! С вечера устал, уснул неожиданно, а она и рада стараться, сбежала в гостевую спальню. Мерзавочка ты моя...

Ей ничего не оставалось делать, как только молчать и мор-

гать изумленно.

Он что, и в самом деле принимает ее за круглую идиотку?! И в самом деле думает, что их с Татьяной шашни остались незамеченными? Так позаботились хотя бы о том, чтобы запереться и потом сгрести ее темные волосы с белоснежной наволочки. А то будто напоказ три длинных волоса на самом виду оставили. В них он Владу и уткнул лицом, пристраиваясь сзади.

Ее всегда мутило от их близости. Всегда хотелось вырываться, орать, царапаться и даже ругаться непотребными словами, которыми в их общежитии злоупотреблял почти каждый. Но сегодня ее мутило до непереносимости просто.

Подушка пахла дешевой косметикой прислуги. Забытые ею волосы лезли в нос, в глаза, или это ей так казалось. В какой-то момент даже почудилось, будто Татьяна подглядывает за ними через неплотно прикрытую дверь спальни. Жаль, повернуться и проверить не было возможности, потная ладонь Игоря Андреевича плотно впечатала ее голову в подушку и держала так все то время, пока длилось скотское супружеское действие.

– Все, умница, – похвалил он непонятно за что, как всегда звучно и больно пощелкав по ее голому телу. – Через десять минут будем завтракать.

Пока стояла в душе и силилась не разреветься – заплаканных глаз Игорь Андреевич не простит ей ни за что, – все думала, как она войдет сейчас в столовую и посмотрит Татьяне

в глаза. Правильнее, как та посмотрит ей в глаза, переспав в открытую с хозяином и выставив свой грех законной жене на обозрение.

А нормально, между прочим, та ей в глаза посмотрела. Без подвоха и тайного удовлетворения. Прямо, открыто глянула на хозяйку и поприветствовала, чуть наклонив голову:

– Доброе утро, Владочка. Как спалось?

Влада не знала, что и думать.

Может, они тут и правда все с ума посходили? Или она?! Может, это ей привиделось?! Может, воображение разыгралось от неудобного спанья? Или психика окончательно расшаталась, раз такое привиделось?

Да нет же, нет! Она точно видела их сегодня ночью, правильнее, под утро уже. И рука Татьяны хозяйски лежала на волосатом пупке Игоря Андреевича, а щека ее плотно была прижата к его покрытому искусственным загаром боку. И волосы опять же на подушке были Татьянины. Она на прошлой неделе как раз жаловалась Владе, что новый шампунь наказание просто, волосы ползут пучками.

– Хорошо спалось, Танюша, спасибо, – пробормотала она в ответ, усаживаясь за стол.

Она надела сегодня темное платье ниже колен с глухим воротником и длинными рукавами. Его ей часто приходилось носить раньше, когда Игорь Андреевич еще только принимался за воспитательный процесс.

– Милая, что это ты как монашка сегодня вырядилась? –

изумился он тут же, едва успев опустить свой зад на диван.

Влада сочла за благо промолчать. И вот тогда-то он и пристал с вопросами о ее планах на день.

– Наверное, схожу за продуктами, – уже тверже проговорила она и поймала взглядом вероломную домработницу, ища у нее тем самым поддержки.

Татьяна молча пожала плечами, буркнула что-то насчет того, что у них вроде бы все есть и в покупках нет необходимости. Но Игорь Андреевич ее не поддержал.

– Пускай купит впрок, – свеликодушничал он, глупо подмигнул своей жене и, понизив голос до интимного рокотания, пробормотал: – Прогуляется заодно и аппетит нагуляет перед супружеской ночью. Так ведь, Владимира?

Нет, определенно, сейчас в этой вот самой столовой с трехметровыми потолками, кожаным диваном и стульями, стеклянным столом и зеркальным полом что-то происходило. Что-то затевается, о чем она не имеет ни малейшего представления. Кажется...

Кажется, ей готовят западню! Ее нарочно выпроваживают из дому с намерением проследить!

Анна Ивановна, невзирая на заверения о неразглашении, видимо, все же кому-то выболтала о ее визите. И теперь за ней будет установлена самая настоящая слежка. Каждый ее шаг теперь мало что требовал постоянного отчета, теперь еще будет и полностью подконтролен.

Застрелиться можно! Взять из письменного стола Игоря

Андреевича увесистый пистолет, который он прячет в потайном ящике снизу. Приставить к виску и...

– Милая, ты меня не слушаешь вовсе? – прервал он суицидальное течение ее мыслей и с силой сжал ее пальцы в своей ладони. – К вечеру будь дома. У меня сегодня на тебя планы, так и знай! Они и минувшей ночью были, но ты меня проигнорировала.

Татьяна, в этот момент сметающая крошки со стеклянной поверхности стола, даже бровью не повела. Не покраснела, не побледнела, не вздрогнула и не метнула искрометный взгляд в сторону супругов. Не выдала себя ничем, будто ничего и не было между ними этой ночью. И сегодняшней ли только? Чему всегда она смущалась, когда Игорь Андреевич нашептывал ей на ухо? Видимо, все это длится уже давно, оттого и такое самообладание.

– Хорошо, к вечеру я буду дома.

Влада готова была сейчас удавить их обоих. Только что, буквально минуту назад, мечтала о скорой смерти от огнестрела и тут же переметнула свою ненависть на этих двоих, изматывающих ей душу непонятным заговором.

– Ну все, я пошел. Влада, доедай все до крошки, не притронулась ни к чему. – Это он уже обычным тоном ей приказал, таким же, как прежде, и тут же, спохватившись, заюлил: – Хрупкая такая вся, бледненькая. Еще скажет кто-нибудь, что я тебя в черном теле держу. Все же для тебя. Кушай и не смей вставать из-за стола, пока не доешь!

Она бы и не посмела никогда. Велено – значит, велено. Ослушаться не имела права.

Игорь Андреевич выбрался из-за стола. Поправил выбившуюся из брюк рубашку, узел галстука потеребил, глянул на часы, тут же направился к двери и тут же, будто вспомнив:

– Деньги я тебе, малыш, оставил в спальне на тумбочке. Возьмешь. Или на тумбочке, или в тумбочке, что-то забыл. Найдешь, одним словом. Татьяна, проводи-ка меня.

Это было что-то новенькое. Обычно провожала к порогу его Влада. Послушно подставляла ледяную щеку для его жесткого поцелуя. Позволяла себя потискать, помять, даже если это и причиняло ей страдания. Потом вымученно улыбалась и желала всего доброго.

Сегодня утром все изменилось как-то вдруг и сразу. Ей приказано сидеть за столом и доедать почти нетронутый завтрак. Домработницу потребовали к выходу.

С каменным лицом Татьяна последовала за хозяином, проигнорировав ее невольный вопросительный взгляд.

Они вышли в холл, примыкающий к столовой, и затихли там. Не хлопала входная дверь, не возвращалась Татьяна, не видно было, как легкой походкой Игорь Андреевич идет к своей машине, которую было видно в окно с того места, где сидела Влада. Из холла раздавалось лишь какое-то шуршание, и все.

Странно все это было! Более чем странно! И Влада, не удержавшись, решила подглядеть. Приподнялась со стула и

беззвучно отодвинула его подальше. Мягкие резиновые подушечки, венчающие ножки стула, позволили сделать это без особых усилий. Пол скрипеть не мог, сделан был по новейшей технологии из сверкающего монолитного кафеля. Оставалось еще незаметно выглянуть из-за притолоки и убедиться, что все страшное и непонятное – не более чем плод ее разыгравшегося воображения, ну и, быть может, беспокойной ночи.

Они целовались, боже правый!!! Игорь Андреевич с упоением целовал свою домработницу и кухарку Татьяну, с силой тиская ее крупный зад и тесно прижимая ее крепкое тело к себе. Татьяна, обвив его шею руками, которыми только что вытирала крошки перед ним со стола, самым бесстыдным образом терлась о хозяйский торс. Глаза обоих были плотно прикрыты.

Влада остолбенела просто в который раз за минувшие сутки.

Они что же... Они что же, издеваются над ней или как?! Или неопасная опасность в лице бдительного ока супруги их заводит?! А может быть, их пылкая страсть, долгое время продремав, теперь с такой силой рвется наружу, что им все равно, кто и где их застукает?!

Выскочить с гневными выкриками в холл у нее ума не хватило, как не хватило его на то, чтобы до чего-то дойти наконец. Додуматься, осмыслить, проанализировать...

«Черт знает что творится в этом доме!!! – шептала она,

вернувшись за стол. – Полный бред и вакханалия!!!»

Она уже думала, что Игорь Андреевич все перепробовал, живя с ней бок о бок. Она уже думала, что все самое страшное, гадкое и отвратительное уже прожила, испила до дна. Ан нет! Новый виток, новый этап, новые методы...

– Владочка, ты больше ничего не хочешь?

Татьяна, вернувшись, как ни в чем не бывало принялась греметь посудой.

«В морду тебе дать хочу, потаскуха! – рвалось из нее наружу. – Дать в морду и тебе, и ему, как он мне давал долгих пять лет. И бежать потом от вас куда глаза глядят. Жаль, позволить себе не могу пока подобной роскоши. Жаль, что снова ждать придется!»

– Нет, спасибо, – проговорила она вместо всего того, о чем успела подумать. – Приготовь мне список того, что требуется купить. Я сейчас переоденусь, возьму деньги и пойду в магазин.

– Хорошо, – кивнула Татьяна, достала из кармана передника блокнотик и принялась деловито его перелистывать.

Влада пошла наверх, в спальню за деньгами, что оставил ей Игорь Андреевич на тумбочке. Деньги нашлись в верхнем ящике с ее стороны кровати. Достаточно крупная сумма, такой он никогда не выделял ей на день. Но не это так поразило Владу в самое сердце, а то, что рядом с пачкой незамятых купюр в ящике ее тумбочки лежал кружевной бюстгальтер черного цвета с крохотной красной розочкой по центру.

– Твой?! – прошипела она, скатившись кубарем по лестнице и швырнув его в руки Татьяне.

– Мой! А откуда он у тебя, Владочка?! – Татьяна смотрела на нее как на умалишенную, без особой нужды потряхивая предметом своего туалета.

– Это я тебя хотела бы спросить, Татьяна! – Влада впервые непозволительно повысила голос в этом доме. – Что делает твой лифчик в ящике моей тумбочки?!

– В твоей тумбочке?! – прошипела домработница, бледнея. – Не знаю! Честно, не знаю! Я искала его. Он висел в прачечной на веревке, потом пропал. Спросить я постеснялась, думаю, найдется и без того. Нашелся называется. Хорошо, что хоть Игорь Андреевич этого не видел, а то подумал бы...

– Что?! – непривычно высоким резким голосом перебила ее Влада. – Что он подумал бы?!

– Ну, я не знаю, как это называется. – Татьяна впервые за утро потупила взор. – Когда чужое нижнее белье возбуждает, что ли.

– Ах ты, дрянь!!! Да я тебе!..

И она едва не набросилась на нее с кулаками.

– Давай, давай. – Татьяна заметно стухнула, отступив в кухню, и усмехнулась без былой уверенной наглости. – У мученька своего научилась руками размахивать. Так я не ты. Я быстро тебе твои ручонки скручу. А Игорю Андреевичу я все равно расскажу, какие теперь у его жены игрушки...

Конечно, это был заговор! Она теперь все поняла, не такая уж она идиотка, каковой эти двое ее пытаются представить.

Важно установить теперь цель! Цель этого гнусного заговора, который затеяли ее муж и домработница. Одна против них двоих она выстоит. Она с ними справится. Не такая уж это великая сила – ее свихнувшийся на собственных извращениях супруг и малограмотная домработница.

Как обнаружилось чуть позже, их было вовсе не двое. У них повсюду оказались единомышленники. И ближе к вечеру Владе пришлось сделать неутешительный для самой себя вывод: если она и впрямь не сходит с ума, то вокруг нее просто кишмя кишит заговорщиками.

Во-первых, не успела она выйти из дома, как тут же обнаружила за собой слежку. И это не было начинающейся магией преследования. Ни о какой паранойе и речи быть не могло. За ней повсюду таскался какой-то тип неприметной внешности. Шла ли она в супермаркет или сворачивала к театральной афише, оглянувшись, Влада неизменно видела чуть сзади его старомодную кепку в мелкую клетку, надвинутую на глаза.

Дошло даже до того, что она почувствовала себя и впрямь одуревшей. И обратилась к киоскеру, торгующему газетами, с вопросом:

– Скажите, чуть сзади меня вы видите молодого человека в серой кепке? На нем еще ветровка должна быть в тон.

– Почему должна? Она на нем и сейчас. – Киоскер глум-

ливо блеснул глазами, тут же погасив ухмылку в набрякших морщинах. – Ухажер?

Знать бы ей еще, кто этот безликий преследователь! И как от него скрыться!

И начался самый настоящий детектив в ее жизни. Детектив с преследованием. Она бегала с остановки на остановку, прыгала с автобуса на автобус, едва успевала пересаживаться на отъезжающий от платформы трамвай.

Ничего не помогало!

Серая кепка в мелкую клетку неотступно маячила в паре метров у нее за спиной. Помог случай. Парень неожиданно зазевался, и Влада, воспользовавшись его замешательством, поймала такси и уехала. Долго петляла по городу, останавливала машину, выходила из нее и прогуливалась вдоль кромки тротуара. И лишь когда убедилась, что парня нет, смогла вздохнуть наконец с облегчением.

Но облегчение было недолгим. Буквально через полчаса, стоило войти в супермаркет со списком, который ей всучила вероломная Татьяна, к ней прицепился новый «хвост» в лице молодой красивой девушки с гривой непослушных кудряшек. Ну хоть плачь, ей-богу, или в милицию иди! Ее что же, в самом деле хотят свести с ума?!

Девушка гарцевала за ней очень долго. Влада устала таскаться с двумя объемными пакетами по улицам, пытаясь от нее оторваться. Татьяна по доброте душевной или из каких еще соображений подлого своего характера попросила ку-

пить два пакета муки, килограмм пропаренного риса, апельсинов и двухлитровую бутылку минеральной. Покупки и без того тянули ей руки, а тут еще неожиданное преследование.

Странно, но девушка отстала от нее, стоило Владе свернуть на знакомую улицу. Она же не могла не пройти мимо любимого дома, не могла не посидеть на скамеечке и привычно завернула туда. И девушка вдруг остановилась. Влада специально оглянулась на нее. Та встала, будто наткнулась на неожиданную преграду, и не пошла дальше.

Влада обрадовалась, но, как оказалось, радость ее была недолгой. Стоило ей усесться на привычное место под деревом, стоило пристроить покупки возле ног, как дверь дома, который всегда казался ей почти необитаемым, если не считать сытого рыжего кота, распахнулась. И на крыльцо вышел молодой мужчина.

Влада растерялась не тому, что в доме обнаружился еще один неожиданный жилец, а тому, что мужчина смотрел на нее в упор и, кажется, намеревался с ней заговорить. Да, точно. Безмолвно наблюдал он за ней с минуту, не больше. Быстро сбежал по ступенькам, прошел вытоптанной в траве тропинкой до калитки, подошел к ней и...

– Здравствуйте, милая леди, – со странной печалью в голосе обратился к ней незнакомец. – Меня зовут Удальцов Евгений, я живу в этом доме. А вас, простите?

– Здравствуйте, – едва слышно ответила Влада, тут же поднялась со скамейки, похватила с земли пакеты и, пожав

плечами, пробормотала: – Вы извините меня, пожалуйста, я уже ухожу. Извините!

– Да за что?

Удальцов сунул руки в карманы брюк, рассматривая женщину, из-за которой он поссорился с Леночкой и с которой, кажется, началось его освобождение. И совсем другая жизнь, кажется, у него начиналась, то есть обещала быть не такой томительной и однообразной.

Она была очень красива – эта странная незнакомка, день за днем штурмующая его усадьбу своим вниманием. Очень красива, ухожена и вполне могла бы блистать в свете, если бы не затравленный взгляд, который она старательно от него прятала, шурша огромными пакетами.

– За что я должен вас извинять? – настырно повторил Евгений, не дождавшись от нее ответа. – Мне совсем не мешает то, что вы здесь сидите.

– Правда?

Влада растерялась. Ожидала чего угодно, только не такой вот откровенной доброжелательности. Думала, он начнет скандалить и запрещать ей ходить сюда и таращиться на то, что принадлежит ему.

Он вправе был это сделать, вправе был обругать ее, и она его хорошо понимала. К тому же ее жизнь, сотканная из сплошных запретов, ни к чему другому не располагала. Но все оказалось совсем не так. Он неожиданно рассмеялся и напомнил:

– Вы так и не сказали, как вас зовут, милая леди.

– Меня? – Она все же осмелилась поднять на него глаза, засмущалась тут же и совсем как школьница проямлила: – Меня зовут Владимира. Влада...

Володькой или Владимиром еще мог иногда называть ее Игорь Андреевич. Когда приезжал изрядно навеселе после бани, ресторана или жарких объятий. Усаживался в столовой на диван, вольготно раскинув руки по спинке. И орал что есть мочи на весь дом:

– Володька, топай сюда, друг мой, пообщаемся! – И тут же мог добавить с гаденьким смешком: – Ну и имечко тебе родители дали, упокой господи их грешные души! Нет бы Таней или Маней, а то Владимира! Такой красивой породистой бабе совершенно не подходит такое мужское имя. Владимир, топай сюда!..

Удальцову Евгению ее имя с чего-то не показалось мужским и даже понравилось. И он повторил его несколько раз, словно пробуя на вкус и смакуя. А потом завершил именной речитатив вердиктом:

– Очень красивое имя у вас, Владимира. Очень! И подходит вам. Вы будто княгиня, честное слово!

Ага, княгиня, кто же еще! Влада разозлилась. Княгиня, которую почем зря лупит благоверный, изменяет ей с крепостными и теперь вот задумал очередную подлость, понять которую она не в силах. У нее просто рассудок мутится от его порочных замыслов!

Удальцов, не дождавшись никакой реакции на похвалу, расстроился. Она сейчас возьмет и уйдет. Уйдет, ссутулившись, обвешанная пакетами. А он даже пойти следом не посмеет, слишком уж она выглядит испуганной. И ведь жутко не хотелось, чтобы она уходила. И тогда он решился.

– Знаете, Влада, мне очень нужно с вами поговорить.

Предупредить-то ее стоило обязательно. Неизвестно, что на уме у взбалмошной Леночки. Она звонила ему уже трижды и все грозила и грозила, грозила и грозила.

И что не пустит этого дела на самотек, пусть он даже и не надеется. Что обязательно отомстит им обоим. И что счастья ему без нее – Леночки – не видать уже никогда. И сама ведь не понимала, дуручка, что для него уже счастье не видеть ее день за днем рядом с собой. Не видеть, не вспоминать, не терзаться виной и не клясть себя за то, что не смог выстоять перед ее страстной порочной красотой, предав Эллу.

– Со мной?! О чем?!

Ну вот, она снова напугалась. А он совершенно не хотел этого. Хотел просто поговорить, послушать ее голос и узнать хотел, умеет ли она улыбаться – эта красивая печальная женщина с таким величественным, шикарным именем.

– Послушайте, вы очень спешите?

Удальцов потянулся к ее пакетам, но она тут же отпрянула, пытаясь спрятать свою объемную ручную кладь за спиной.

– Простите, – пробормотал он, не зная, как быть. – Я про-

сто хотел пригласить вас в дом выпить чаю или кофе, вы что больше любите?

Она?! Любит?! Да она и не знает теперь уже вовсе, что именно она любит! То, что приказано бывало, то и пила. Раньше, давным-давно, когда еще жила с бабушкой в общестии, то очень любила клюквенный кисель и какао еще любила. Оно так благодатно пахло шоколадом, которого в ее детстве не случалось вдосталь. Так было вкусно с мягкой теплой булкой, которую бабушка всегда приберегала для нее, покупая возле булочной прямо с лотка...

Игорь Андреевич эти ее пристрастия безжалостно высмеял уже через неделю их совместной жизни. Татьяна его иронию приняла за директиву, и запасы какао в их доме почти никогда не пополнялись.

– Так что? – Удальцов решил не сдаваться и затащить всеми правдами и неправдами незнакомку в свой дом.

– Я не знаю. – И она вдруг решилась и спросила, подумав, что, если и он ее высмеять посмеет, она тут же повернется и уйдет и не придет к этому дому уже никогда: – А... А какао у вас в доме имеется?

– Найдём! Целая банка растворимого какао. Признаюсь вам по секрету, я ведь тоже люблю эту дрянь. Предупреждают, что калорийная и все такое, а я люблю. Так что? Идем?

– Если вы настаиваете.

Она не знала, что и делать. С одной стороны, идти в дом к незнакомому человеку очень опасно и непривычно не только

для нее, но и вообще. А с другой – дом-то стал ей почти родным, она каждую трещину в оштукатуренных углах успела изучить за это время. И чего уж греха таить, не раз мечтала оказаться за его порогом и посмотреть, так ли там вольготно, как снаружи.

Да и домой возвращаться так рано очень уж не хотелось. Там подлая Татьяна, которая спит на ее месте в ее кровати слева от ее мужа и целуется потом с ним в их холле, проводя его на службу. Влада даже не могла себе представить, о чем теперь сможет с ней говорить после всего, что увидела. А тут еще эта идиотская история с ее нижним бельем.

– Я настаиваю. Меня не стоит бояться, я не опасен, поверьте, – улыбнулся Удальцов и полез к ней за спину. – И отдайте, наконец, мне свои пакеты. Они же тяжелые! Следуйте за мной, прекрасная Владимира. Мы станем с вами пить горячий шоколад, заедать его хрустящим печеньем и разговаривать. Вы ничего не имеете против хрустящего печенья?

Она?! Против?! Да она обожала любое печенье, кажется. Но по заведенным Игорем Андреевичем правилам могла взять с плетеной тарелочки лишь штучку и кусать от него осторожно, чтобы не уронить крошку на стол и не дай бог не оставить следы на губах.

В доме Удальцова все показалось ей очень необычным. Это был старый дом, когда-то, видимо, принадлежащий кому-то еще. Широкие доски пола покрывал толстый слой старой краски. Стены большой комнаты, куда он ее проводил,

были побелены в нежный липовый цвет. На полу домотканые половички. У них с бабушкой тоже одно время были такие. Потом бабушка сменила их на ковровые дорожки ядовито-пурпурного цвета с широкой зеленой полосой по краю.

По стенам у Удальцова в доме было развешано множество фотографий в старомодных рамках. Был еще и громадный фикус в кадке возле окна, на котором и теперь возлежал полюбившийся ей рыжий кот. Широкий угловой диван с дорогой обивкой как-то не очень вязался со всем этим. И компьютер еще на огромном столе вдоль самой большой стены. И спортивный тренажер чуть слева.

– Это дом моих родителей, – пояснил Удальцов, приставив пакеты с ее покупками возле кадки с фикусом. – Там нет ничего такого, чтобы Рыжему понравилось, нет? А то мы пока за разговорами, а он станет пакеты трясти... Я здесь временно поселился. Дом долгое время стоял пустым. А сейчас в моей квартире ремонт, вот мне и пришлось сюда переехать.

Он вполне мог бы себе позволить гостиницу на это время или съемную квартиру. Не захотел. Чужие казенные стены непременно выели бы ему нутро, и давили бы на него, и заставляли бы маяться и тосковать. Да и не любил он временных жилищ, всю свою жизнь стремясь к постоянству. Жаль, что так и не получилось...

– А потом что? – Влада присела на краешек дивана, позволив Удальцову забрать у нее плащ.

– А что потом? – не понял он, остановившись в дверях.

– А потом вы забросите этот дом?!

– Ну, почему сразу заброшу! Просто перееду, и все.

– А дом?

– А дом стану навещать. Да и вы не обходите его стороной, присмотрите. – Поняв по ее неожиданному румянцу, что сморозил что-то не то, Удальцов поспешил с плащом в прихожую. – Вот май нынче какой суровый, да? Уже листья на деревьях, трава бушует, а холодно. Из плащей и курток, видимо, до июля не вылезем...

Нет, Ленка была тысячу раз не права, сочтя, что эта женщина напоминает ему покойную Эллу. Нисколько она ее ему не напоминала. Элла была очень жизнерадостна и открыта. Правда, до тех пор, пока он не отравил ей все своей подлостью. Тогда она и стала угрюмой, унылой и не улыбочливой. И всякий раз при встрече смотрела как-то так... Со значением, наверное. Он же не мог предположить тогда, что она задумает так страшно расправиться со своей жизнью.

Он очень сноровисто приготовил им по огромной чашке огненного густого шоколадного напитка. Поставил чашки на поднос, пристроил большую жестяную коробку с печеньем и пошел к ней в комнату.

Влада все так же сидела на краешке дивана, с напряженным вниманием рассматривая портреты на стенах.

Куда же поднос пристроить? Удальцов растерянно остановился, озираясь по сторонам. Стола, кроме того, за кото-

рым он работал, больше не было. Не на диван же было ставить угощение, хотя почему бы и нет?

– Вы не против? – Он поставил поднос прямо на диван, протянул ей чашку и тут же распахнул крышку жестяной коробки. – Давайте выпьем за наше знакомство, Владимира. Уж извините за то, что приходится угощать вас на диване.

– Все нормально, – проговорила она с улыбкой, обхватила большую чашку обеими ладонями, поднесла ко рту, тихонько вдыхая неповторимый сладкий аромат шоколада, и повторила снова: – Все нормально.

Она устала есть за столом, постоянно следя за своей осанкой. Она забыла, как это – завтракать на траве после удачной утренней рыбалки, когда кажется вкусным все, включая горбушку подсохшего хлеба. И, если честно, все происходящее – неожиданное знакомство, какао с печеньем, да еще на диване – казалось ей крохотным таким, но бунтом. Пускай даже Игорю Андреевичу не будет никогда об этом известно, но она осмелилась все же взбунтоваться. Осмелилась сделать ему наперекор. И ей это очень понравилось!

– Очень вкусно. – Влада зажмурилась от удовольствия. – Очень вкусно! И какао, и печенье, а можно мне еще одно взять?

– Да бога ради! – Удальцов рассмеялся. – Мы вправе с вами уничтожить все запасы печенья в этом доме, раз нам так хочется.

Ей хотелось, еще как! Печенье просто таяло во рту, быст-

ро растворяясь на языке миндальным вкусом. Она такого, кажется, тысячу лет не ела. Все в их доме должно было быть низкокалорийным, с непременно заменителем сахара, в строго ограниченных количествах. А здесь...

Да, она не ошиблась. В доме было так же вольготно, как и за его пределами – от крыльца до изгороди. И дышалось, и думалось так же. Никто не мог окрикнуть ее строгим голосом со спины. Ударить между лопаток, высмеять и поставить на вид ее недостойное поведение. И Удальцов этот показался ей достаточно симпатичным парнем, с очень добрыми глазами и милой улыбкой, не сходявшей с его лица. Ее обычная скованность – вечный спутник ее последних лет, – будто подтаяв от горячего шоколада с миндальным печеньем, начала понемногу отпускатъ, и Влада несколько раз позволила себе непозволительно громко рассмеяться его шуткам.

Они сидели и болтали ни о чем. Про погоду, преподносившую этой весной сюрприз за сюрпризом. Про продавщиц в магазине, который она только что покинула. Оказалось, что им нравятся одни и те же девчонки в форменных платьицах, а охранник на выходе что у нее, что у него постоянно досматривал сумки. Потом еще что-то про летний отдых, Удальцов планировал его провести в российской глубинке, устав от удушливо-влажной экзотики. И про рыбалку еще, вот! Он рассказывал о своих удачах. Она вспоминала о своих, хотя этим воспоминаниям было уже что-то около десяти лет. Со школы никуда на берег не выезжала.

Время несло, перепрыгивало все допустимые барьеры, отпущенные им для какого-то важного разговора. Она даже не знала, какого именно. А может, это было предлогом всего лишь. Предлогом для знакомства, предлогом для такой вот чудесной болтовни?

Нет, оказалось, что нет. И стоило ей ему об этом напомнить, Удальцов моментально нахмурился.

– Разговор и в самом деле есть, Влада. И не разговор даже, а небольшое предостережение.

– Да? А в чем дело?

Она с сожалением поставила давно опустевшую чашку на поднос, осмотрела колени. Удивительно, ни единой крошки не обронила на подол. То-то бы Игорь Андреевич удивился или снова приписал бы это своим достоинствам. Мол, не пряником, так кнутом вытравил из нее холопские замашки.

– Я поссорился со своей девушкой. Мы какое-то время жили с ней вместе, а теперь решили расстаться.

Черт! Что он несет?! Он городит непонятно что и снова пугает ее. Потеплевший было взгляд снова подернулся непроницаемой дымкой. Спина напряглась, а пальцы сцепились в замок на коленях. Надо было как-то не так начинать. Как-то иначе. Но как?! Знать бы! Знать бы, как уберечь эту славную женщину от Леночки!

– Да, и что?

Влада впервые посмотрела на часы. До возвращения Игоря Андреевича оставалось совсем немного времени. Стран-

но, что она только теперь подумала об этом. Пора было уходить, явно пора. Но требовалось выслушать Удальцова, раз он готовился к этому разговору.

Понять, куда тот клонит, было сложно. Мог вот взять сейчас и все испортить какой-нибудь гадостью, типа, что она прекрасная кандидатура на замену его девушке.

– И как-то так получилось, что разругались мы с ней из-за вас, Владимира, – бухнул Удальцов.

Ну не знал он, как можно плавно перейти к тому, что его тревожило. Элла еще говорила, что он будто слон в посудной лавке, когда дело доходит до выяснения, объяснения и до точек над всеми «і». Не мог он подготавливать слушателя, не мог поймать момента и сыграть на опережение. А ведь ей это наверняка не нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.